НОВЫЙ РЕНЕССАНС

2(8)2012

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА
НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ О. БЕШЕНКОВСКОЙ
СЕЗОН 2011-2012

Международная гильдия писателей представляет финалистов конкурса на соискание Премии имени О. Бешенковской-2012.

Литературная премия имени О. Бешенковской учреждена в знак уважения к ее памяти и для стимулирования литературной деятельности в русле заложенных ею традиций.

Кто же она – Ольга Бешенковская?

Ольга Бешенковская – поэт, публицист, эссеист. Член Союза писателей Петербурга, член клуба русских писателей Нью-Йорка, член Союза немецких писателей Германии, член Союзов журналистов России и Европы.

Ольга Бешенковская родилась в Ленинграде, где профессионально работала «в стол» с двенадцати лет до Перестройки, так как принадлежала к альтернативной культуре, к так называемой «второй литературной действительности», ее стихи и эссе публиковались в запрещенном самиздате и на Западе. Первая книжка вышла только в 1988 году. И лишь в 1999-м – книжка детских и юношеских стихов…

Окончив ленинградский университет, пятнадцать лет она работала журналистом, но по распоряжению КГБ была уволена без права работать в советской печати. Десять лет перед отъездом в Германию, как и многие ленинградские поэты и художники, трудилась кочегаром в котельной. Придумала и издавала с друзьями самиздатовский журнал «ТОПКА»: орган Творческого Объединения Пресловутых Котельных Авторов…

Эмигрировала в Германию. Организовала и редактировала «толстый» литературно-художественный журнал «Родная речь», выходивший до 2001 года.

В 2002 и в 2003 годах при содействии Толстовского фонда составила и выпустила две поэтических Антологии: «Город-Текст», стихи петербургских поэтов постбродского андеграунда, и академическое издание «Киевская Русь».

В 2004 году являлась составителем и художественным редактором международного альманаха «ВЕК XXI», выходящего в Германии.

Член редколлегии альманаха «Студия» (Москва–Берлин) с 2005 года.

Член редколлегии журнала русской литературы «Зарубежные записки» с 2005 года.

Более 1.000 публикаций Ольги Бешенковской вышло в периодике разных стран мира за последние 10 лет ее жизни.

ЛАУРЕАТЫ И ДИПЛОМАНТЫ

Лауреат в номинации ПОЭЗИЯ

Елена Ширимова, Россия

Лауреат в номинации ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья Вишнякова, Россия

Дипломанты в номинации ПОЭЗИЯ

Ольга Шушкова, Россия
Евгений Гусев, Россия
Дарья Галкина, Россия
Светлана Белянина, Россия
Роман Рубанов, Россия

Дипломанты в номинации ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей Бикетов, Россия
Юлия Болтаевская, Россия
Михаил Сидоров, Россия
Наталья Крофтс, Австралия

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ-2012
О СЕБЕ

Наталья Вишнякова

Пока идет мелькание кадров, я уже придумала название для своих будущих мемуаров – «Камео». Да, слово слишком томное и вызывает ненужные ассоциации с прошлым веком (хотя для мемуаров это естественно), но зато оно точно отражает мою роль в общем процессе жизни. Камео – это эпизодическое появление известной персоны на киноэкране в роли самой себя. Как у Джарамуша в «Кофе и сигаретах»: Том Вейтс в роли самого себя, и Роберто Бениньи, и Игги Поп.

Так и с жизнью: с одной стороны, у тебя главная роль, а с другой, – проснись! – краткая и эпизодическая. Да и кино через поколение будет забыто. Но пока оно идет и кадры мелькают на большом экране – ты счастлив, потому что сюжет полностью захватывает тебя.

Любой сюжет моей жизни захватывал меня, поглощал, как киноварь – неаполитанскую желтую. Когда работала в театральном музее, до серьезного учащения пульса влюблялась в старых актеров. Отправилась в школу – чувствовала учеников, как самое себя, заново проживая и детство, и отрочество. И все это время писала, и каждый раз – как впервые. Еще когда училась в школе, не написав ни строчки, была уверена, что я – писатель. Потом окончила школу и поступила на истфак, и там меня тоже захватила стихия поглощения, и предмет изучения превратился в предмет обожания. И все было хорошо, но спустя три года меня оттуда буквально вынесло и принесло в Литературный институт. Здесь, среди рассыпанных в воздухе слов, я ощутила себя на своем месте. То есть, в очередной раз дал себя прочувствовать эффект камео.

Самое сильное из всех возможных проявлений реальности – рождение дочери – поставило все на свои места. С этим не сможет сравниться ни одно событие ни до, ни после. Мир померк, и все в нем стало совсем не важным. Предметы обожания вернулись в разряд предметов созерцания, изучения и оценки, став тем, чем и должны были быть – просто предметами. Поэтому, если случается найти то, что можно назвать подлинником, радуешься неимоверно, взлетаешь и паришь.

Иные эпизоды значительнее, чем главная роль в рейтинговом сериале.

Нам снятся одинаковые сны
Про стаи птиц над ульями селений,
Про камешки весенних настроений,
Разбросанные пальцами весны,
Про веки непроснувшихся растений,
Тяжелые от запахов лесных,
Про легкость в небо брошенной сосны,
Про вечную любовь огня и тени,
Про то, что лица прошлого – грустны,
Про то, что жизнь – роение мгновений,
Про то, что жизнь – трудолюбивый гений
Нам снятся удивительные сны.

Посвящение в садовники

(Белла Ахмадулина)

Свои первые детские воспоминания Белла Ахмадулина ощущала так: «Сильный запах мокрого песка, из которого велено что-то лепить иль выпекать с помощью омерзительной «формочки», штучки такой, до сих пор ненавижу. Отворачиваюсь, оборачиваюсь – и вижу яркосветлый дом в глубине темного сада. Да уж не в усадьбе ли все это происходит? Представьте и поверьте – да, в городской усадьбе прошлого времени. Эти дом и сад на Садовом кольце существуют и поныне». Итак, первое, что составило твердь ее памяти, – усадьба, дом и сад. «Тогда же: за ночь расцветают тюльпаны в саду, и впервые превозмогая все затмение предыдущего молчания, связно говорю: «Я такого не видала никогда». С тех пор жизнь моя шла, проходит, снова смотрю на семицветие белого света – лучших слов для похвалы ему не придумала». Восторг перед раскрытием цветения, неожиданный подарок природы, переживание незаслуженности этого подарка, а оттого и замирания духа перед ним – это составило твердь ее поэзии. Переводя на язык прозы: благодарность, служение, восхищение и свободу.

С этого времени поэзия Ахмадулиной становится актом прорастания, естественного движения вверх, в которое человек не имеет права вмешаться. Речь – это «размеренные ударенья / тяжелых яблок о траву...», урожай звука и полноты смысла, которым является каждый плод. Особенно яблоко.

И если декабрь может быть выражен дождем и садом, то лето, «выраженье любви и родства» в природе – это и есть суть сада, прибежища и пристанища, таинственного и невыразимого объяснения всех загадок.

Самое тяжелое – пережить переход от августа к осени, от осени – к декабрю. Невыносимые границы времени, переступив которые, словно оставляешь позади человечески-дорогое. Смена сезонов сопровождается утратой.

Душа желает и должна
два раза вытерпеть усладу:
страдать от сада и дождя
и сострадать дождю и саду.

Когда все это уже было написано, пришло известие, что в предпоследний день осени скончалась Белла Ахмадулина. И сразу припомнилось пронзительное, неясное до времени:

Не время ль уступить зиме,
с ее деревьями и мглою,
чужое место на земле,
некстати занятое мною?

Смена сезонов всегда связана с опустением времени: еще вчера шумевших, певших и любивших дач – или самой природы, – чьей неразгаданной хрупкости всегда жаль. Человека, оказавшегося на стыке сезонов среди остающихся или провожающих, всегда охватывает неумолимое предчувствие беды.

Так утром, при погоде славной,
я шел меж опустевших дач,
овеянный печалью сладкой
и предвкушеньем неудач.

Хочется шагнуть назад и спрятаться, затеряться – но не в доме, который создан человеком по подобию и образу своей жизни. Только сад, живой, растущий, может по-настоящему принять и понять человека, разделить с ним переживание времени.

Глубокий нежный сад,
впадающий в Оку,
стекающий с горы
лавиной многоцветья.
Начнемте же игру,
любезный друг, ау!
Останемся в саду
минувшего столетья.

Но отступление в сад сразу же обозначается: игра. Фантазийный рисунок дачного чаепития изображает времена, давно ушедшие в тень – и тем подчеркивается непоправимость опустения и сезонного перехода. Потому то, что загадано в первой строфе, возвращает себе грустную монохромную гамму – в последней: «как ни отступай в столетья и сады, / душа не сыщет в них забвенья и блаженства». Подобная отчетливая декларативность не в духе Ахмадулиной, она редко обижает прямотой. Значит, так до́роги ей сад и цветение в нем, что она решается на четкое «никогда».

О том, что сад может существовать только в категории «когда», то есть, относиться ко времени, говорит и образ сада-проводника. В стихотворении «Симону Чиковани»:

Простились, ничего не говоря.
Я предалась заботам января,
Вздохнув во сне легко и сокровенно.
И снова я тоскую поутру.
И в сад иду, и веточку беру,
И на снегу пишу я: Сакартвело.

То есть, сад является и категорией памяти. И память не руку протягивает, – веточку. Ту, которых так много в зимнем саду, черных, сухих, но в которой заложено и прошлое цветение, и птичий след, и плод, и взлет при падении плода.

В стихотворении «Город» – и ужас перехода, и внутренняя ссора:

Привет Вам! Снова все мы в сборе,
но нет ни луга, ни травы.
Художник и Садовник в ссоре,
зато не в ссоре я и Вы.

Единственным поэтом XX века, который так ясно выразил садовую суть поэзии, осталась Белла Ахмадулина. Более того: только у нее так ясен образ Садовника, которого можно считать младшей из причин существования сада. То, что в саду от живущего – все это от Садовника. То, что от Художника – вторично. Для того чтобы вырастить, нужно большее мужество, потому что процесс ращения подразумевает бесславие. Для поэта скромности, смирения, совести и свободы, каким, безусловно, была Белла Ахмадулина, выбор очевиден. Ведь и при первом акте памяти сад был узнан ею и сохранен в биографии.

Лик. А Художник ищет блика.
Бывало ль с Вами то, что с ним?
Порой прекрасное так близко,
а мы зачем-то вдаль глядим.

Став для поэта прекрасным ближним, сад потребовал ухода за собой, включения в его жизнь: рыхления, подвязывания побегов и беления стволов. И все для того, чтобы из комнатной тесноты выйти «в этот сад, что исполнен свободы / и томленья полночных существ». Именно садом обещана свобода. Цвести и расти можно и в других формах жизни: в зоосаду («Два гепарда») или в оранжерее. В 1956 году в творчестве Ахмадулиной появляется стихотворение «Цветы» – прогулка автора среди жирных корней и тонких листьев оранжереи.

Их дарят празднично на память,
но мне – мне страшно их судьбы,
ведь никогда им так не пахнуть,
как это делают сады.

Им на губах не оставаться,
им не раскачивать шмеля,
им никогда не догадаться,
что значит мокрая земля.

Здесь впервые звучит резкое «никогда», всего несколько раз прозвучавшее в ахмадулинской лирике. Сострадание и острое переживание заменяются и даже в какой-то степени блокируются другим чувством – страхом; не жалеем о цветах, но ужасаемся ровным, выведенным по циркулю, кругом их судьбы. Здесь самое место садовнику, однако, его

присутствия не ощущается. Отсюда вывод: садовник так же свободен, как и его сад.

Ахмадулина ближе и откровеннее всех поэтов XX столетия подошла к пониманию поэтического сада: для нее сад – категория не места, но времени. Лишь у трех поэтов появляется образ садовника: у Ахматовой, Мандельштама и Ахмадулиной. И только у последней этот образ отчетливо прописан и осмыслен.

Наиболее глубоко это выражено в посвященном Василию Аксенову стихотворении «Сад».

Я вышла в сад, но глушь и роскошь
живут не здесь, в слове: «сад».
Оно красою роз возросших
питает слух, и нюх, и взгляд.

Просторней слово, чем окрестность:
в нем хорошо и вольно, в нем
сиротство саженцев окрепших
усыновляет чернозем.

Рассада неизвестных новшеств,
о, слово «сад» – как садовод,
под блеск и лязг садовых ножниц
ты длишь и множишь свой приплод.

Сад русской литературы – место объяснений, откровений, хранилище тайн, печалей, преступлений.

Ты плодороднее, чем почва,
ты кормишь корни чуждых крон,
ты – дуб, дупло, Дубровский, почта
сердец и слов: любовь и кровь.

Для человека, выросшего на русской литературе, сад – это лето, скамейка, книга, невыразимые кружева воображения. Он как будто постоянно в этом саду.

«Я вышла в сад», – я написала.
Я написала? Значит, есть
хоть что-нибудь? Да, есть, и дивно,
что выход в сад – не ход, не шаг.
Я никуда не выходила.
Я просто написала так:
«Я вышла в сад»…

Удивительно сходные ощущения четырьмя десятилетиями раньше появились в стихотворении Всеволода Багрицкого «Сад». «Сады» Багрицкого и Ахмадулиной вообще похожи на начало и продолжение одного ощущения, парадоксальным образом переставленные во времени. Ахмадулина заканчивает свое стихотворение многоточием: «Я вышла в сад…» Стихотворение, как известно, посвящено Василию Аксенову. История его создания описана автором в автобиографическом «Веселье дружбы»: «Я сидела и писала стихотворение “Сад”, когда вдруг пришел Вася. Я это стихотворение, ему посвященное, и дальше собиралась писать, но он вошел, и стихотворение внезапно закончилось словами “Я вышла в сад”. И стало последним моим подарком ему перед отъездом».

У Багрицкого же все как будто начинается с многоточия:

Мы вышли в сад
(ты даже позабыла
надеть пальто).
А нас встречает осень.
Она хрустит,
так лишь хрустят суставы
замерзших пальцев,
и к ногам слетает
упругим яблоком,
блестящим и холодным.
Мы вышли в сад.
И нам понятно стало,
что детство кончилось,
что этот сад,
где раньше
мы бегали,
ловили птиц,
смеялись, –
теперь нам дорог
как воспоминанье.

Непредсказуемая преемственность, наводящая на размышление: возможно, все сады русской поэзии – это один и тот же сад, подобие райского? У Ахмадулиной это некий все-сад: «И этот сад собой являет / все небеса и все леса…»

В 1973 году будет напечатан «Садовник» – посвящение из разряда высших наград. Здесь будет изображена суть садовника: он свободен и никому не должен, и плоды, им выращенные, не всегда сладки.

Ах, неудачник мой, садовник!
Соседей добрых веселя,
о, сколько фруктов несъедобных
он поднял из тебя, земля!

Я эти фрукты ем покорно.
Они солены и крепки,
и слышно, как скребут по горлу
семян их острых коготки.

И верю я одна на свете,
что зацветут его сады,
что странно засияют с веток
их совершенные плоды.

Творческая селекция требует терпения и независимости от того, что люди считают правильным. Он один видит свою цель и совершенство результата.

Уход поэта означает стирание памяти о саде.

Прощай! Прощай! Со лба сотру
воспоминанье: нежный, влажный
сад, углубленный в красоту,
словно в занятье службой важной.

Прощай! Все минет: сад и дом,
двух душ таинственные распри
и медленный любовный вздох
той жимолости у террасы.

Уходит память о саде, уходит Поэт. Как вернуть его? Выйти из ограниченности мокрой песочницы. Как Белла Ахмадулина перед самой встречей с главным: «Отворачиваюсь, оборачиваюсь – и вижу ярко-светлый дом в глубине темного сада».

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ-2012

О СЕБЕ

Елена Ширимова

Вот жизнеописание поэта – мешок биографической трухи. А любят ведь поэта не за это. А любят ведь поэта за стихи. Пускай на «пять» учился он в спецшколе, с наградами окончил институт. Становится неважным это, коли стихи его не катят, не идут. К тому же если счастье в жизни личной, коттедж и безлимитный интернет... Поэту жить в достатке неприлично. Какой он после этого поэт? Творцы бедны, печальны и гонимы. Творцы не вхожи в царские дворцы. А те, что вхожи, ставят псевдонимы. Всегда хитры на выдумку творцы.

И все же по законам политеса и интереса к творческой судьбе поведай же, поэт иль поэтесса, хотя бы полуправду о себе. Вот я, смотри, честна перед народом: фамилию и имя назову. Мне тридцать, из донской станицы родом, там выросла, приехала в Москву.

Зачем скрываться,
словно Монте-Кристо?
Моя персона вовсе не
секрет. Работаю на
должности юриста, пишу
стихи с четырнадцати
лет. Я замужем, воспитываю сына. Семья дружна, доход стремится ввысь. Квартира есть, а в планах и машина... Читатель, ты куда? А ну, вернись!

Пожалуй, тут подробности некстати. Наверное, я опять пишу не то. В конце концов, не хочет знать читатель какой модели у тебя авто. Он хочет нелинейности сюжета при остроте и ясности ума. Чтоб юмор был в творениях поэта и вывод – неожиданный весьма. Вписать слова, события и числа в размер, и рифму сможет лишь поэт, чтоб из стихов читатель тонну смысла как рыбу из реки тащил на свет. Хороший автор трогает за душу, но деликатно, а не напрямик. Его невольно хочется послушать, прочесть, запомнить, записать в дневник. И я все время думаю об этом. Пока мне обольщаться не с руки. Я лишь надеюсь стать таким поэтом, не выдать ни одной плохой строки, табличку не сорвать на полдороге, будь это имя или псевдоним.

Ну а судить и подводить итоги доверю вам – читателям своим.

Весна

Я в лавочку к Весне вчера зашла.
Была хозяйка вежлива, светла
И колокольчик звякнул на пороге.
«Мне каплю атмосферного тепла
В бокале из богемского стекла,
Да километра два сухой дороги.
Чего ещё? Пожалуй, ничего.
Все остальное просто баловство:
Флакончики, пакетики, коробки...
Вот разве человека одного...
Ну да, Вы не ослышались – его.
В несовместимой с жизнью
дозировке».

Диван

С тобой так неожиданно и странно
Лежать, обнявшись
на краю дивана,
А край дивана, будто край земли.
И трутся раскрасневшиеся лица
О вытканные пальмовые листья,
О вышитые шелком корабли.
Часы идут, часы уже ушли,
Осталась до утра такая малость.
Ведь я с тобой еще не обнималась
Меж плюшевых лиан и обезьян.
Там, в глубине дивана, на привале,
Тропические шлемы посрывали,
Спят наши утомленные друзья.
Ночник едва мерцает, как маяк.
Сок манговый на донышке стакана.
Лежим друг в друге,
словно два банана...

Уставший от людских
ленивых стай,
О, дивный мой диван,
диван-нирвана,
Не скрипнувший, не выцветший,
не рваный,
Ты только не рассыпься, не растай!

Метро

Чахоточные дети подземелья,
Мы вечно видим свет в конце туннеля,
Раз вовремя убраться не сумели
В деревню, в глушь, в Саратов, Волгоград.
Успевшие предать свои пенаты
Студенты, гастарбайтеры, экспаты,
Уткнувшись в трубки, книжки и айпады
Текут по трубам в каждодневный ад.

Старушка – на макушке «вшивый домик»,
У схемы озадаченный дальтоник
Глазами вязнет в серо-буром тоне
Калининской-Люблинской-Кольцевой…
Тут шортики сменяются штанами
И кто-то сверху все следит за нами,
За этими железными червями,
Что кормятся толпою, как травой.

Так жизнь бушует, что твоя Неглинка.
Трещит у куртки кожаная спинка,
Опутанная вмиг шнурком ботинка,
Лечу и гибну на передовой.
Да не впервой. Полицию! Подмогу!
А я на рельс контактный ставлю ногу,
А я уже на эскалатор к Богу,
А у меня Москва над головой.

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Дарья Галкина

Мне бы счастья…

Дуну пьяно в замочную скважину,
В пустоту.
Я корону надену бумажную,
И фату.
Закружившись по полу липкому
Упаду.
Дверь захнычет расстроенной
скрипкою,
Как в бреду.
Я страдания спрячу с бедами
В свой кулак.
Мужем выберу верным, преданным
Ночи мрак.
Разожму свои пальцы тонкие -
И во тьму
Брошу горечь, и слезы звонкие…
Все – Ему.
Провожу его прочь, проклятого,
За порог.
Черт, а времени-то – полпятого,
Видит Бог…
На краю пожелтевшей ванной
Курю одна…
Мне бы счастья…Небесной манной…
Да ни-хре-на!

Ольга Шушкова

* * *

Его я любила,
А он меня – может быть…
Но я не курила,
А он – выходил курить.

Мой первый, прекрасный,
Глаза голубые, кровь…
Он щурился страстно
И классно играл любовь!

Я верила слову,
А слухам досужим – нет.
По первому зову
Последний брала билет.

И только однажды
Прозрела в дверной проем:
Как нежно-отважно
Курили они вдвоем.

Влюбленно-живую
Хлестал меня дождь, хлестал.
«Не переживу я!» –
Кричал он мне вслед, кричал…

Живет, потакая
Жене и календарю.
А я… все такая –
По-прежнему не курю.

Евгений Гусев

Песня о матери

Я вижу свет на самом окоеме,
Зовет к себе он, словно человек.
Горит лампада в деревенском доме,
Где доживает женщина свой век.

Я поменял грунтовую дорогу
На сто больших асфальтовых дорог.
Я в сорок лет вдруг начал понемногу
Осознавать, что есть на свете Бог.

Я к этой вере шел через ошибки,
Через крутой душевный перелом.
Я в сорок лет вдруг вспомнил
без улыбки,
Как осеняла мать меня крестом.

Я не кляну свои земные галсы
И никого на свете не виню.
Я в сорок лет вдруг сильно испугался,
Что не успею к вечному огню.

Стою один в неосквернённом храме,
Не в силах трепет сердца побороть.
Горит свеча. Я возвращаюсь к маме,
Я ей скажу: «Храни тебя, Господь!»

Я прочитаю новые стихи ей,
Она тепло посмотрит на меня…
Не дай нам Бог, застигнутым стихией,
Не дотянуть до вечного огня!..

Роман Рубанов

Рубашка Бога

Сшивает дождь с землею небеса
Стежками крупными совсем небрежно –
Бывают же такие чудеса...
А утром, еле брезжила надежда

И солнце выползало из-за туч,
Термометр за окошком колебался,
И прыгал по шкале бордовый луч:
Взлетал до десяти и понижался...

Но ткань небес подогнана к земле
И храбрые небесные портняжки
Сшивают воедино небо, лес,
Поля и реки – славная рубашка

Выходит. Бог наденет и вздохнет
(мы, как ворсинки изнутри свернулись),
Лишь воротник рубашки расстегнет,
Чтоб мы от доброты не задохнулись.

Светлана Белянина

* * *

Не дай мне в эту ночь уйти
К разлуке сумрачной и странной.
Легла обида на пути
Пророчицею безымянной.

Не отпускай моей руки.
Зачем из дома – на чужбины?
Забвенья воды глубоки –
Я не хочу в ее глубины...

И коль обидела – прости,
Что было сказано когда-то.
Не дай мне в эту ночь уйти
Туда, откуда нет возврата...

ХОТЕЛИ СКАНДАЛА? ТАК ПОЛУЧИТЕ!

АНДРЕЙ БИКЕТОВ

Наконец-то знаменитый Большой – достояние не только всероссийского, но и общемирового значения – приветливо распахнул перед изрядно заждавшимися театральными привередами свои заново отреставрированные двери. Естественно, что декорация столичного храма искусства вылилась в довольно кругленькую сумму – на подобных грандиозных проектах, призванных повысить в нас градус приобщения к шедеврам ретроскопического и современного культурного среза, экономить не принято. На то ведь она и культура. А ну как мы, почтеннейшая публика, останемся без подобного светоча во тьме невежества, без инновационного прожектора в сумраке отсталого консерватизма? Что тогда, а?

Открытие Большого после реставрации заинтриговало без малого всю Европу и Бродвей в придачу: что такого уникального придумали там эти русские? Времена царского режима минули, а аппетиты прежние остались: любую общественную инициативу должно претворять в жизнь с широким, барским размахом. Каковы у нас нравы, таковы и свершающиеся поступки.

Следом за открытием наступает черед первой премьеры. В Большом уже стало хорошей, доброй традицией начинать очередной сезон с репертуара композитора Глинки. Данного правила решили придержаться и в очередной раз. Жертвой смелого и весьма неоднозначного эксперимента была выбрана опера «Руслан и Людмила». Режиссер постановки Дмитрий Черняков, прославившийся благодаря спорному (а зачастую откровенно слабому в креативном исполнении) синтезу исходного материала и современной мыслеткани, принялся за разработку концепции премьерной оперы с особым мнением. Скорее всего, «Руслана и Людмилу» он выбрал по причине отсутствия четкого видения данного произведения в контексте наработанного веками опыта российского оперного движения. Ранее режиссер довольно уверенно заявлял, что его постановка – первое полноценное воплощение на сцене увесистого в плане продолжительности творения великого русского композитора. Интересно, как отозвался бы автор, находясь он в здравии, на подобную парафразу.

Черняков в поисках нужных ему исполнителей, способных кроме певческого мастерства в совершенстве владеть мастерством актерским, исколесил крупнейшие театры Старого Света. В результате труппа получилась интернациональной по составу. На раскрутку и пиар Черняковского детища были затрачены значительные средства. Главный вопрос: что получилось в итоге данного чисто коммерческого предприятия, какова его консистенция при выходе с конвейера?

Рецензии на «Руслан и Людмилу» у появившихся на мероприятии критиков и зрителей отличались резкой полярностью мнений. Одни (а таких сложилось процентное большинство) премьерный экзерсис освистали и назвали постановку «несмываемым пятном позора на репутации русской театральной школы», были и те, кто встретил оперу с воодушевлением и неподдельным восторгом. К примеру, Бархатов, называвший Чернякова своим кумиром, отметил великолепный подбор солистов, а посетившая постановку худрук балета Парижской оперы Бриджит Лефевр заявила, что постановка получилась «смелой и прекрасной». Продолжительность интерпретации «Руслана и Людмилы» составила около пяти часов.

Общая сюжетная линия была изменена режиссером вплоть до неузнаваемости: из волшебных садов Наины он вывел бордель с проститутками, сад Черномора превратил в массажный салон с обнажающимся стриптизером, готовым оказать Людмиле услуги интимного характера. Князья и соперники Руслана по ретивому делу становятся олигархами и малиновопиджаковыми воротилами. Вот где простор, вот где раздолье! В программке – коммюнити к опере сказано, что приводить для просмотра лиц моложе шестнадцати лет как бы не стоит. Оголенная плоть требует освобождения от стесняющих его неуемную прыть серых одежд.

Вряд ли возможно оспорить тот непреложный факт, что современной оперной постановочной технике нужны устремление вперед, определенное влияние нового времени. Старые, устоявшиеся традиции и каноны весьма хороши, но ведь настоящее искусство никогда не должно оставляться на одной и той же звучащей ноте. Это вещь правильная и понятная. Не понятно лишь следующее обстоятельство: для чего перемешивался сей слегка отталкивающий винегрет? Каково его предназначение? Нашу въедливую, тонко чувствующую публику не проведешь. Да, пусть многие из зрителей не особо разбираются в подоплеке оперных партий и многоходовок, пусть они оказались в зале лишь из-за возможности наблюдать сцены откровенно эротического и криминально-гангстерского свойства, но ведь у них обострено до предела то самое чувство искреннего восприятия, за пределами которых знаменитое Станиславское «Не верю!» Я вовсе не против вкрапления в театральное представление мозаики обнаженного женского тела, вряд ли что на свете может сравниться по мощи воздействия на публику с сим реквизитом. Но каждое дополнение сюжета, каждое внедрение собственного рисунка игры должно иметь под собой, под своей основой определенный смысл, определенную ло-

гику. Хотелось бы спросить у режиссера постановки: какой вывод должен извлечь я, оказавшись во власти его сценической правды жизни? То, что действие оперы разворачивается в отелях, номерах и массажных салонах, должно что-нибудь значить? Или это такая выдохшаяся тенденция автора к однообразному его постановочному полотну, скудность творческого подхода? Ведь далеко не факт, что то, что с успехом показывается на Западе, должно прокатываться на ура в России. Где обещанная хореография? Где балетные па, захватывающие кружева пуантов, застывшие в воздухе? Куда это все подевалось, уважаемый вы наш хвататель звезд с небес Ла Скалы и Метрополитен Оперы? Вы, наверное, с высоты своего величия считаете излишним отвечать на такие довольно неприятные, каверзные вопросы. Вы слышите, у нас в памяти остались такие великие артисты, как Уланова, Плисецкая и Марис Лиепа! Вместо балетной труппы на сцене совершают непонятные, порою неадекватные танцы все те же упоминавшиеся выше содержательницы борделя: они скачут, катаются на роликах, прыгают с гимнастическими ленточками. Этого достаточно.

Думаю, что пока в рядах зрительного зала будут слышны крики «Вон со сцены» и «Чернякова на мыло», в досточтимой, богатой истинными талантами, гениальными творческими людьми Москве останутся почитатели совсем иного оперного искусства, искусства, которое завоевало себе нишу в мировой театральной сокровищнице, которое стало театральным брендом. А изумительного Глинку, перед дарованием которого я преклоняюсь, действительно жаль. Чем провинился перед господином Черняковым этот кристальной чистоты композитор, что он такого греховного совершил? За что ему подобные муки? Взял бы режиссер для своей впечатляющей, вводящей в оцепенение постановки другую музыку, которую запросто можно навозом обливать, и полный порядок. К примеру, «Metallika“ или «Slayer“, то, что больше подходит ему по задумке. Все равно ведь Руслан с Людмилой похожи на своих первоначальных прототипов также, как калькулятор похож на навороченный ноутбук. Но опере ему тогда надо давать другое название, да и воздействие будет уже не то. Подскажу варианты: «Крутой террор», «Косяк, забитый после полуночи», «Гнездо разврата». Не подходит? Надо же, я ведь так старался подсказать нужный вариант. Не беда, если сильно нужно, можно придумать свой, более оригинальный.

Оказывается, в одноименной поэме Пушкина скрыт сексуальный контекст. Так сказал господин дирижер. Взял творение Пушкина, не поленился и перечитал. Много строк о любви: о любви к Родине, о любви мужчине к женщине, о естественном влечении… Скрытого сексуального мотива так и не нашел. То ли не старался совсем, то ли светило русской поэзии так стихи свои хитро зарифмовал, спрятал сию идею слишком глубоко по отношению к обыкновенному читателю, каким являюсь я. Весь вопрос в том, что понимать под сексуальным контекстом. То, о чем повествуется в «Руслане и Людмиле» имеет определенную принадлежность к межполовым отношениям, к тому, что мы называем интимной связью. Просто у Пушкина данная тематика описана очень тонко и проникновенно, она более одухотворена и исполнена грации. Секс же в современном толковании является понятием лишь физического плана, свершающимся механическим актом, не более того. Не правда ли, между этими двумя представлениями одного и того же процесса целая пропасть? Трагедия нашего существования заложена в том, что высшая, духовная субстанция постепенно исчезает и ее сменяет субстанция совсем другого, примитивного плана, культ тела. Но об этой проблеме я вам расскажу позднее, в другой статье. Привожу для наглядности своего ничем не подкрепленного утверждения небольшой отрывок из поэмы, самое его начало.

Руслан и Людмила

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

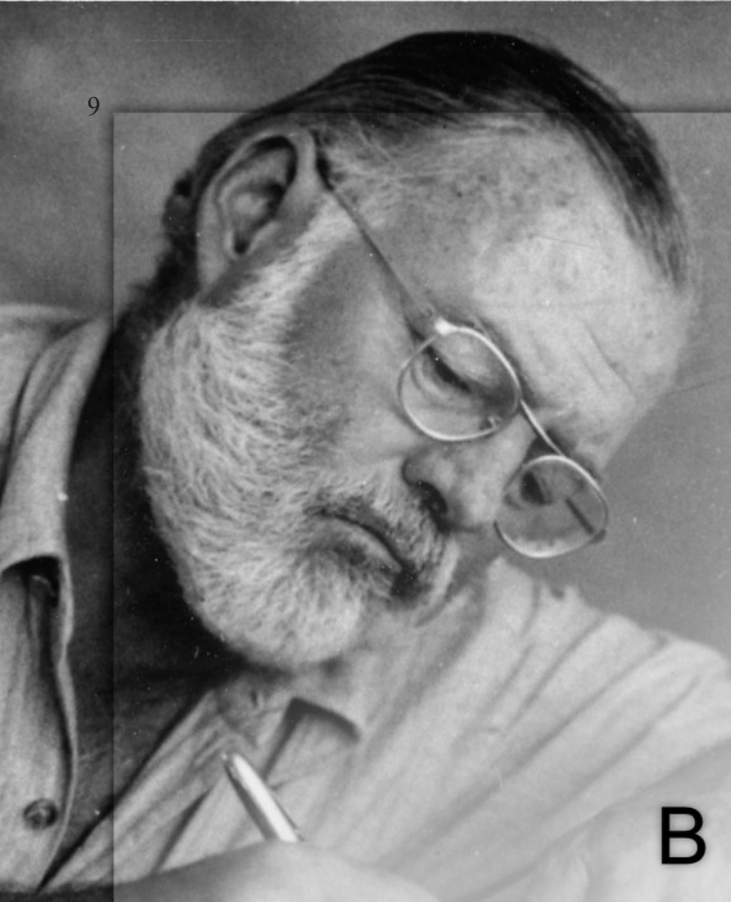
Вернемся к премьере. Как я уже написал ранее, на представлении «Руслана и Людмилы» публика раскололась на два противоположно настроенных лагеря. Одни кричали выступающим «браво», другие же зрители требовали прекратить форменное безобразие. Сошлись зрители лишь на том, что исполнительница роли Наины меццо-сопрано Елена Заремба исполнила свою роль достойно. Во время спектакля она умудрилась сломать руку, упав на сцене, но допела отведенную ей партию вплоть до финального аккорда.

Спецпредставитель президента по вопросам культуры Михаил Швыдкой заявил, что столь неоднозначная реакция людей свидетельствует о том, что в столице произошло «Крупное художественное событие». Очевидно, что в любом другом случае, когда по окончании спектакля будет разгораться самый настоящий скандал, событие будет довольно крупным, настолько заметным, что его возможно разглядеть в увеличительное стекло. Из заявления данного чиновника становится ясен и смысл всей этой раздутой, плохо отрепетированной шумихи: заставить упоминать о проекте как можно большее число растиражированных, популярных издательств и масс-медиа. Что поделаешь, шоу-бизнес – штука сложная. Чтобы заработать на пороках, нужно обладать недюжинным коммерческим нюхом. Скандал – это всегда сенсация, стабильный рейтинг. Значит, вполне уже приемлемое на эстраде явление достигло театральной среды. Укореняется. Скоро привьется как ослабленный штамм опасного вируса. Больно за театр.

Грустно, товарищи. Что подадут на горячее в Большом в наступающем сезоне? Знать бы.

За сим прощаюсь с вами. Любите искусство в себе, а не себя в искусстве.

С надеждой на лучшее
Андрей Бикетов



Как и многие известные писатели XX века, Хемингуэй начал свою литературную деятельность с газеты. Сразу после окончания школы 17-летний юноша, желающий вести самостоятельную жизнь и вырваться из тесного провинциального Оук-Парка, где он родился и вырос, уезжает в Канзас-Сити, где поступает на работу в местную газету «Канзас-Сити стар» в качестве репортера.

Э. Хемингуэй часто говорил о том, что считает себя журналистом. И одна из его статей так и называется: «Старый газетчик пишет...». Хемингуэй-журналист рассказывает о многих вещах: о спекуляции валютой, о ловле форели в Швейцарии, о греко-турецкой войне, об охоте в Африке. Он пишет о народном комиссаре иностранных дел Чичерине и о Марселе Кашене, он берет интервью у Клемансо и у Муссолини, рассказывает о назревании революции в Испании и о приближении угрозы второй мировой войны.

ЖУРНАЛИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. ХЕМИНГУЭЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЮЛИЯ БОЛТАЕВСКАЯ

Во многих статьях Хемингуэй вспоминает о своем детстве, и в этом смысле здесь содержится уникальный материал. Интересны высказывания Хемингуэя о самом себе. В статье, опубликованной в журнале «Эсквайр», он говорит о себе: «Когда ты любишь три вещи всю свою жизнь, с самого раннего момента, который ты помнишь: ловить рыбу, охотиться, а потом – читать, и когда всю жизнь необходимость писать была твоим господином, ты научишься запоминать, и когда ты думаешь о прошлом, ты вспоминаешь больше о рыбной ловле, об охоте и о чтении, больше чем о чем-либо еще, и это удовольствие». Эти слова помогают лучше понять Хемингуэя как человека и журналиста. Потому и публицистика Хемингуэя откровенно автобиографична: в любом очерке, корреспонденции автор обращается к читателю от первого лица, мысли о важнейших событиях современности в его работах непрерывно чередуются с фактами его личной жизни. В результате этого складывается живой облик Хемингуэя – человека со своими раздумьями, симпатиями и антипатиями, заблуждениями и прозрениями. Известный американский поэт и критик Арчибалдт Мак-Лиш, хорошо знавший Хемингуэя, утверждал: «Писателей обычно судят по их творчеству, но жизнь Хемингуэя с такой угрожающей силой врывается в его творчество, что многие критики никак не могут сойтись в своих мнениях».

На мой взгляд, объяснить это просто: как всякий большой и честный художник Хемингуэй в своей публицистике, как и вообще во всем творчестве, чутко прислушивался к пульсу времени, остро воспринимая проблемы века, и стремился найти ответы на многие мучительные вопросы современности.

Журналистская деятельность Хемингуэя была очень многосторонней и разнообразной. Он писал о чикагских гангстерах и о канадских мошенниках, торгующих вышедшими из обращения в СССР советскими денежными знаками, о жизни американцев в Париже и о бое быков в Испании, о французских правых и об итальянских фашистах. Хемингуэй стал свидетелем и очевидцем кризисных явлений в жизни капиталистического мира и в Америке, и в Европе. Ненависть к тем, кто развязывает войны, родилась у писателя на фронте в Италии; теперь же она была укреплена личным его знакомством с этими людьми, у которых он брал интервью, о которых писал, которых часто видел на различных международных конференциях, где они, рассуждая о мире, готовились к новой войне. И все эти факты тоже глубоко пропущены автором через себя, и потому поданы так экспрессивно и живо.

Например, обратите внимание, в какой манере написан журналистский материал Хемингуэя под названием «Фашистский диктатор», посвященный Муссолини. «Муссолини – величайший шарлатан Европы. Хотя бы он схватил и расстрелял меня завтра на рассвете, я все равно остался бы при этом мнении. … Как-нибудь возьмите хорошую фотографию сеньора Муссолини и пристальнее вглядитесь в нее: вы увидите, что у него слабый рот, и это заставляет его хмуриться в знаменитой гримасе Муссолини, которой подражает каждый девятнадцатилетний фашист Италии». На первый план выступает личность автора, его размышления, впечатления, смелые суждения. Или пример из той же работы: «Я на цыпочках зашел к

нему за спину, чтобы разглядеть, какую это книгу он читает с таким неотрывным интересом. Это был французско-английский словарь, и держал он его вверх ногами». Несмотря на то, что данный текст дан в переводе, тем не менее, даже перевод доносит до нас ироническую, ядовито насмешливую интонацию Хемингуэя, с которой он пишет о Муссолини – жестоком диктаторе своего времени, и тем самым вызывает адекватную реакцию у читателей.

Публицистика Хемингуэя характеризуется еще и тем, что в ней автор то и дело обращается к литературным проблемам, выстраивает свою литературную генеалогию, называя мастеров слова разных стран, у которых он учился формулировать собственные творческие принципы. Несколько примеров из книги «Праздник, который всегда с тобой». «У Достоевского есть вещи, которым веришь и которым не веришь, но есть и такие правдивые, что, читая их, чувствуешь, как меняешься сам, – слабость и безумие, порок и святость, одержимость азарта становилась реальностью, как становились реальностью пейзажи и дороги Тургенева и передвижение войск и театр военных действий, офицеры, солдаты и сражения у Толстого». Таким образом, здесь прослеживается размышление о собственном творчестве, поиск творческих идеалов и путей создания новых произведений. Такая своего рода откровенность перед читателем.

Интересно и то, что чисто журналистские особенности работ Хемингуэя переходят в его литературные произведения. И порой бывает трудно разграничить, где правда жизни, а где литературный вымысел. Рассказы Хемингуэя – напоминают журналистские тексты, емкие и конкретные, где мысли не расплываются, а излагаются четко, события развиваются динамично, как конкретные мгновения реальной жизни. Возможно, за эти особенности многие исследователи говорят о том, что Хемингуэй пишет свои произведения «телеграфным стилем», так, если бы он передавал кому-либо сообщения с места событий.

Как истинный журналист Хемингуэй в своих литературных произведениях сообщает о конкретном месте действия, может описывать особенности этого места, иногда говорит о времени, затрагивает проблемы современности. (Например, рассказ «Рог быка»: пансион Луарка, район Кальо-Сан-Херонимо в Мадриде). Использует числа: «В пансионе Луарка постоянно жило человек десять-двенадцать, но для Пако, самого молодого из трех официантов, прислуживающих в столовой, существовали только те, кто имел отношение к бою быков».

Хемингуэй неоднократно был свидетелем чемпионата по бою быков и писал об этом. Можно посмотреть, как тема боя быков отражается в журналистских и литературных произведениях.

Журналистский материал «Памплона в июле»: «И они появились. Восемь быков, тяжелые, черные, блестящие, мчались галопом во весь опор, зловеще крутя рогами… Быки бежали, сбившись в кучу, а впереди них удирал, несся сломя голову арьергард мужчин и парней Памплоны, ради забавы пожелавший, чтобы быки преследовали их через весь город.

Парень в голубой рубашке, с красным шарфом, в белых брезентовых тапочках и с неизменным мехом вина за спиной споткнулся на ходу. Первый бык резко наклонил голову и отбросил его в сторону. Парень остался неподвижно лежать, а стадо,… пробежало мимо, не обратив на него никакого внимания. Толпа ревела». Черты репортажа: числа, цветопись, эффект присутствия.

Рассказ «Непобежденный»: «Мануэль провел мулетой перед черной мордой быка. Все напрасно. Не желаешь? Хорошо. Он подошел вплотную и ткнул острым концом мулеты во влажную морду быка. Бык кинулся, Мануэль отскочил назад, но споткнулся о подушку и, падая, почувствовал, что рог вошел в него, вошел под ребро… Бык подбросил его, и он очутился на песке. Он лежал неподвижно. Ничего страшного. Бык не трогал его». Отрывок напоминает репортажный текст. Скорее всего, такие эпизоды в произведениях Хемингуэя и были описаны по впечатлениям от реальных картин.

Для Хемингуэя журналистика была литературной школой, и об этом он неоднократно напоминал. Журналистское начало всегда было важным и ценным качеством Хемингуэя. Он никогда не писал о том, чего сам не видел, не знал, не понимал. В этом смысле он, стремился быть репортером современности. Журналистов называют летописцами своего времени. Они воссоздают историю и факты реальной действительности в средствах массовой информации. Хемингуэй был газетчиком, потому его публицистические тексты дошли до современного читателя, и вызывают не меньший интерес, чем во времена самого Хемингуэя. Потому что его журналистские тексты глубоко литературные, а литературным произведениям свойственны черты публицистики.

ОБОЛЬЩЕНИЕ НАУКОЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ

МИХАИЛ СИДОРОВ

Не Бог ли начертал эти письмена?
Людвиг Больцман

I

Извлекая на свет из небытия тему «Физики и лирики: чья взяла?», пришлось вновь обозначить, как говорил Даниил Данин, кентаврический сюжет о взаимовлиянии науки и искусства. Если взглянуть глубже на проблему, то она уведет нас в сюжеты, которые сродни «Фаустовскому дневнику» академика Сергея Вавилова, стихотворению «Ламарк» Осипа Мандельштама, теме «Эйнштейн – Достоевский» и феномену научно-художественной литературы.

Все эти имена – «миры», о каждом из которых можно размышлять как о явлении природы… И эти «вселенные», как оказалось, не согласны с физиком по образованию и писателем по призванию Чарльзом Сноу, сделавшим в книге «Две культуры и научная революция» (1959 год) вывод об отчужденности и даже антагонизме между наукой и литературой. Главным образом в людях, создающих научную культуру, по его мнению, «заложено будущее».

II

…Академик Сергей Вавилов счастливо провел лето 1913 года в Италии. Страницы его дневника того времени посвящены искусству, описанием церквей, картин, фресок, скульптур.

«Книга, – писал Вавилов, – самая высокая вещь в мире, потому что это почти человек, даже иногда выше человека». Для него, физика, Пушкин – вечная надежда: «Когда я буду погибать, быть может, одной рукой схвачусь за Евангелие, другой, несомненно, за творчество Пушкина…» И в заключение: «Все же я рад, что наслаждение искусством отравляется для меня тоской по науке».

Знание едино! Научное познание мира следует дополнить художественным. Тогда и только тогда рождается человек, творящий целые миры – научные теории, модели, концепции, бытующие в природе законы. Поэтому, наверное, истинных ученых в мире десяток-другой, а остальные – это все научные работники.

К науке и искусству – этим полюсам творческой деятельности человека сходятся все «силовые линии» духовных и интеллектуальных устремлений человечества.

III

В эти духовные «тенета» с радостью попал и гениальный поэт Осип Мандельштам: он обольстился…биологией и научной судьбою Жана Батиста де Ламарка (1744-1829), великого французского ученого и автора термина «биология». Поэт учил биологию с голоса своего ереванского друга, биолога Бориса Кузина, который пробудил в нем «ребячье изумление перед наукой».

В одном из писем (написано уже после смерти поэта) Борис Кузин так оценил взаимовлияние науки и искусства: «…Поднять биологию на подобающую ей высоту способен только ученый, полноценно воспринимающий искусство… Я говорю о биологии,… потому что только она некоторыми своими сторонами так тесно примыкает к искусству».

Чтение великих биологов Линнея, Ламарка и Дарвина, по словам Мандельштама, «украсило мою зрелость». Он писал в заметках «Вокруг натуралистов»: «Не обращать внимания на форму научных произведений так же неверно, как игнорировать содержание художественных: элементы искусства неутомимо работают и здесь и там».

В стихотворении «Ламарк» поэт, считает Даниил Данин, «вдруг ощутил себя рыцарем Прекрасной Дамы – Научной Истины, «покрытой вуалью»:

Был старик, застенчивый,
как мальчик,
Неуклюжий робкий патриарх…
Кто за честь природы
фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.

И рядом гениальная догадка поэта и биолога:

…Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Дело в том, что современные биофизики считают, что жизнь зародилась в морской пене – тонкой наноструктуре, состоящей из химически очень активных, способных к самоорганизации молекул.

Слова «и в пену океана завитком вопьюсь» означают не только спу-

ститься вниз по лестнице эволюции Ламарка, к началу живого, но они – метафора трагического жизненного пути самого поэта.

IV

…«…Если вы спросите, кто вызывает сейчас во мне интерес, то я отвечу: Достоевский! Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!» Так сказал Альберт Эйнштейн.

Русский писатель более интересен ему, нежели ученый? Что это? Еще одна парадоксальная мысль великого ученого? Одно ясно: Для Эйнштейна не действительна, мертва бытующая «аксиома» о параллельности развития и непересекаемости науки и искусства.

Кроме этического и психологического опыта Эйнштейн, по-видимому, искал и находил в произведениях писателя-бунтаря Достоевского другой, но такого же высокого порядка, опыт поиска ускользающей истины на основе художественного исследования до конца непостижимых сложностей жизни.

«И тогда, – утверждает Даниил Данин в своей книге «Перекресток», – понятно сопоставление с Гауссом. Тогда Гаусс отнюдь не нуль. Напротив – громадная величина. Но для Эйнштейна он был «свой» – шедший той же дорогой научного познания мира… А Достоевский не был «своим» – он шел другой дорогой познания. И Эйнштейн не мог ощущать его позади или впереди себя. Тот шел рядом».

Данин ставит в своей книге проблему «дважды обогащающего толкования» связи Эйнштейн–Достоевский. Он считает, что «оно придет и самым непредвиденным образом бросит новый посев сразу в две борозды на необъятном поле истории мировой культуры».

Для человека наука и искусство – равновелики. Они будут вечно стремить его испытать необыкновенную, пронзительную радость творчества, познания неведомого. Они помогут человеку преодолеть собственную недолговечность и успешно решить надолго задуманную огромность его задач.

V

В науке возродилась кентавристика – новое знание сегодня можно добыть только на стыках ранее несовместимых направлений, отраслей наук. Получит ли новое развитие стилистический кентавр, иначе – оксюморон, сочетание несочетаемого – научно-художественная литература, родившаяся в прошлом веке?

Немало таких, кто из тени в свет, из лаборатории на эстраду, из физиков перелетали и перелетают – в лирики, а наоборот – никого. И это понятно: физике учат в университете, а литературе нужно учиться самому, и, главным образом, у жизни.

Наука стареет – искусство никогда. Поэзия и проза – сотканные из образов модели духовного мира человека, пристально вглядывающегося в окружающий его мир… Литература всегда будет стремить человека к человеку!

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА АВСТРАЛИИ: ПОСЛЕВОЕННАЯ ВОЛНА

НАТАЛЬЯ КРОФТС

«Русская литература Австралии». Слова эти заставляют задуматься: мысль о пятом континенте рождает образы беззаботных кенгуру, синего неба, белоснежных пляжей – и все это безмятежное благополучие плохо сочетается с мыслью о «русском поэте», его метаниях и бесприютности.

Тем не менее, судьба уже несколько десятилетий ставит эти два слагаемых в одно уравнение, открывая читателям новую Австралию, часто совершенно непохожую на тот счастливый, экзотический мирок, который грезится поэтам северного полушария.

Первые выходцы из России поселились в стране антиподов уже более двухсот лет назад, но еще долго Австралии пришлось дожидаться посещений русских авторов. Наконец, в начале XX века на берега этого далекого континента ступил поэт Константин Бальмонт, но, пробыв здесь несколько недель, уехал обескураженный увиденным:

Нет Австралии тех детских
наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

В том, что целое столетие «русского присутствия» в Австралии не дало ни одного «местного» поэта, нет ничего удивительного. Русская община на пятом континенте была тогда чрезвычайно мала: в 1914 году в Австралии числилось всего одиннадцать тысяч выходцев из Российской империи. Более того, большинство из них не принадлежало к «пишущим кругам»: прежде всего, это были экономические эмигранты, страдавшие в России от тяжелых бытовых условий.

И только после 1945 года на пятом континенте появляются значительные литературные фигуры. Потоки русских эмигрантов в этот период шли двумя основными путями: один – из Европы, второй – из Китая и Дальнего Востока.

Именно с этой волной приехали на пятый континент два замечательных русских поэта, Борис Нарциссов и Константин Халафов, очутившиеся по окончанию Второй Мировой войны в европейских лагерях для перемещенных лиц.

Б. Нарциссов, оставивший после себя шесть поэтических сборников, переводы с английского, эстонского и французского, родился в России в 1906 году, а провел молодость в Эстонии, где окончил химическое отделение Тартуского университета. Начинается война, и в 1943 году офицер Нарциссов попадает в немецкий плен. Путь в советскую Эстонию для человека, уцелевшего в плену, закрыт – и в 1950 году Борис Анатольевич оказывается в Австралии. «Принято было считать, что никто не отразил в русской поэзии Австралию так глубоко, как это удалось Нарциссову», – пишет литературовед Е. Витковский. Ярко и зловеще встает в стихах поэта чужая высохшая страна:

Этот серо-зеленый покров –
эвкалипты.
Это – шкуры змеиные
слезшей коры.
И вот так без конца. И ты знаешь:
погиб ты
Здесь, в краю эвкалиптов и
тусклой жары.

или

Над плоским, пересохшим
континентом
От моря и до моря темнота.

В этих строках – чувство потерянности и почти животного ужаса от осознания: ты – на краю земли и это – конец. Конец света. Не удивительно, что в 1953 году Нарциссов уезжает в США, где активно начинает заниматься литературной деятельностью и исследовательской работой. Умер Борис Анатольевич в 1982 году в Вашингтоне.

Та же волна послевоенной эмиграции принесла на пятый континент автора, весьма отличного от Бориса Нарциссова по духу, и, пожалуй, первого значительного русского поэта, тепло воспевшего приютившую его Австралию:

В небе непрозрачно-голубом
Блещут горных ясеней вершины
Матовым, чеканным серебром.
Птица Лира кличет из долины.
Я разлёгся на скамейке длинной,
Вверх гляжу и знаю – здесь мой дом,
Здесь светло, приятно и прохладно,
Ходит по площадке шоколадной
Попугаев бодрая семья.
Снизу, где блестит среди расселин
Папоротников древесных зелень,
Слышен лепет медленный ручья.

Написавший эти строки К. Халафов покинул Россию еще в 1920 году: 17-летний юноша, примкнувший к Белому движению, эвакуировался из Крыма в Константинополь вместе с остатками армии генерала Врангеля. Из Турции Халафов немедленно перебрался в Королевство Сербов, где поступил в Белградский университет. Константин Константинович, работая всю жизнь инженером, параллельно был концертирующим пианистом, композитором и поэтом. В Белграде он участвовал в нескольких литературных кружках, неоднократно публиковался в русской периодике Франции и Германии. В конце войны семья поэта оказалась в лагере для перемещенных лиц – и тогда Халафовы решаются на отъезд в Австралию.

Проживая в Мельбурне, Константин Халафов продолжал публиковать свои стихи за пределами пятого континента. В Австралии же Халафов всерьез занялся орнитологией: «на смену поэту приходит натуралист; и этот «натуралистический интерес» приносит К. К. Халафову известность среди орнитологов, далеко вышедшую за пределы Австралии», – будет написано в некрологе Константина Константиновича.

Этот изумительный человек прожил в австралийском городе Мельбурне последние двадцать лет жизни, оставив после себя статьи и фильмы по орнитологии, труды по инженерному делу, музыкальные произведения – а также свежий, чистый и добрый поэтический взгляд на далекую миру Австралию.

Но основной поток послевоенной эмиграции русских в Австралию пришел не из Европы, а с Дальнего Востока: это была так называемая «харбинская волна». В конце XIX века в Китае русские основали железнодорожную станцию Трансманчжурской магистрали, ставшую городом Харбин. В 20-е годы прошлого века в Харбине уже насчитывалось 100-200 тысяч русских эмигрантов, на то время – самая большая русская диаспора. Значительным было также русское население китайского Шанхая: в 30-е годы оно достигло 20 тысяч человек. Однако, с японской оккупацией и последующим приходом советских войск, белоэмигранты и просто люди, боящиеся репатриации в новую Россию, стали срочно покидать Китай. Через Гонконг и Филиппины многие их них добрались до Австралии, значительно увеличив русскую общину на пятом континенте. Часто это были высокообразованные люди, сохранившие великолепный язык – и последствия этой «волны» 50-60 годов не замедлили сказаться на русской литературе земли антиподов.

Именно тогда приехал в Австралию писатель-натуралист, автор многочисленных рассказов и повестей, Николай Байков. Родился он в 1872 году в Киеве, учился в Тифлисе, а после служил в Заамурском округе пограничной стражи. Маньчжурия сразу пришлась по сердцу Николаю Аполлоновичу и стала главной его музой. Однако экспедицию на Дальнем Востоке прервала Первая Мировая, а потом и гражданская война. Покинув Россию, Байков прошел через русские эмигрантские лагеря в Египте, Индии, Индокитае – все для того, чтобы однажды вернуться в столь полюбившуюся ему Маньчжурию. В Китае Николай Аполлонович начинает активно публиковаться: у него выходит более десяти книг, очерки и рассказы Байкова охотно печатают харбинские журналы и газеты. Но в 1956 году семья писателя была вынуждена покинуть столь любимые им края. Рассматривая австралийский ландшафт из окна поезда, Николай Аполлонович был удручен сухой и монотонной природой пятого континента. «Теперь, – писал он, – осталось вспоминать свою молодость, и жизнь, и охоту на моей второй родине, в Маньчжурии». В 1958 году Николай Аполлонович скончался в Брисбене, прожив на пятом континенте всего два года.

С «харбинской» волной в Австралии начинают появляться литературные кружки, проводятся первые поэтические фестивали, увеличивается число русских периодических изданий и, наконец, русские писатели Австралии появляются на литературной карте мира. В ноябре 1963 года в Германии журнал «Грани» печатает то, что стало, вероятно, первой подборкой «русских австралийцев», опубликованной за пределами Австралии. В публикацию вошли стихи Клавдии Пестрово и Маргариты Дьяконовой, рассказ Андрея Кривицкого, а также стихи и проза Михаила Волина (Михаил Володченко, 1914–1997 гг.). Строки последнего, впрочем, знает наизусть любой читатель, знакомый с творчеством Александра Вертинского, ведь именно вместе с М. Волиным была написана песня «Дорогая пропажа»:

Самой нежной любви
наступает конец,
Бесконечной тоски
обрывается пряжа…
Что мне делать с тобою,
с собой, наконец,
Как тебя позабыть,
дорогая пропажа?

Веху «конца эпохи» русской литературы в Китае обозначил литературовед Е. Витковский: в 1976 году «последняя русская поэтесса Нора Крук, родившаяся в Харбине в 1920-м, уехала из Гонконга в Австралию». Элеонора Марионовна Крук, урожденная Кулеш, стала писать стихи с семи лет. В 1933 году она переехала в Мукден, а позже – в Шанхай, где работала журналисткой, дружила с ведущими поэтами восточной эмиграции В. Перелешиным и Л. Андерсен, была знакома с А. Вертинским. Стихи Норы вошли в сборник «Русская поэзия Китая», публиковались в периодических изданиях России, Америки, Китая, Израиля и Австралии.

Изысканность речи, привычка к жизни в чужой среде и почти обязательные строки о Китае – все эти черты авторов «харбинской волны» присущи и стихам Норы:

Климат душевный тяжел,
ограниченны дали,
Страшно, что вакуум жизни
уютен и чист.
Люди и сами смертельно
уютными стали,
Тянет в болото безжалостный
город-садист.

Но приехав в Сидней, Нора в полный голос заявила о себе как о поэте Австралии, причем сразу на двух языках. Англоязычные издательства опубликовали три книги стихов Норы, а в это же время из-под ее пера вышли строки на русском языке, представляющие Австралию очень внимательно и разносторонне. Здесь и автобиографические стихи «Она австралийка», и теплые зарисовки-верлибры о красоте пятого континента:

Отряхнула прошедший день
Еду через Карлотту – чудо!
В джакаранды вливается синь неба
Розовые деревья стерегут
радостные дома

Но здесь же и тревожные стихи о современной австралийской жизни:

В этом городе изумрудном –
Бухты, пляжи, загар на лицах,
Джакаранды, спортклубы, бары,
Небоскребы и «ягуары»,
А в траве у скамеек – шприцы.

Это уже не просто строки «харбинца», это – стихи человека, более 35 лет живущего на пятом континенте, болеющего душой за эту страну, считающего себя австралийкой. Русской австралийкой.

С новой волной эмиграции 90-х годов появятся новые имена, новые авторы начнут обживать этот далекий континент. Но начало поэтического освоения пятого континента было положено именно той «послевоенной» волной авторов, первыми переплавивших свою жизнь в стране антиподов в русские стихи.

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Юлия Морозова

2012

Новый год – что я вижу в тебе?
Лебедей ли покорные шеи?
Может рваные ночи в траншеях?
Может танки, что прут по судьбе?
Может кольца, что в Невской губе?

Набирает Земля «01».
По Истории «неуд» влепили.
Или Третья беснуется или
ложный вызов? А может, горим?
Не проверить – звонил аноним.

Все потушат грибные дожди…
От шампанского пьяное солнце
не узнает луну, как проснется.
Но без стука, без стука входи
время двоек с дырою в груди.

Век № 21

Угадываю век по бритому затылку
студента ПТУ, укравшего в «Полушке»
две банки «Nescafe», а главное – бутылку.
Что делать, если нет у родичей получки?

Угадываю век по джинсам с низкой талией,
(ведь летопись витрин красноречивей книги)
ходулям-каблукам, по стрингам и так далее,
салонам красоты, где трудятся таджики,
по страху стать собой, по матюгам на стенах –
их пишет русский бунт под грифом: «Ненавижу»!
Наушники орут: «Мы жаждем перемены!»,
но здания стоят, меняются афиши.

Читаю на столбе: «Они ушли из дома,
пропали у ларька, по-модному одеты…»
Здесь надо написать немного по-другому:
«Ищу двадцатый век. Особые приметы…»

Третья мировая

Мчится поезд на Петербург
из Америки сквозь Атлантику.
Свет, пугающий свет вокруг
затмевает звезду и свастику.

А на станции «Гамильтон»
сел в купе человек без имени,
без билета – он не учтен
ни чертями, ни херувимами.

С Хиросимы на нем пальто,
обзавелся в Москве погонами.
Вдруг менорой месье Никто
вытыкает глаза оконные.

И до смерти саднящий стон
расщепляет версты вагонные.
Где же Питер и Вашингтон?
Только крысы, да насекомые.

Вадим Борисов

Малыши-дракончики

Малыши-дракончики
Так любили пончики,
Что бросали все дела,
Если бабушка пекла
Пончики шипящие.
Масло настоящее
Приносила из подвала,
Не жалея, наливала
В сковородку. И из пасти,
Чтоб испечь внучатам сласти,
Пламя тихо выдувала.
Ведь на медленном огне
Лучше жарятся оне.
Потихоньку напевала
Что-то доброе о том,
Что стоит на свете дом.
Дым вокруг него столбом.
Значит, кто-то жарит в нем
В сковородке пончики
Для внучат-дракончиков.

Дед дракон на печке спит,
Бабка у плиты стоит,
Тихо песню напевает,
Про огонь не забывает.
У нее, как говорят,
В сковородке – полный лад.
Там, построенные в ряд,
Сладко пончики шипят.

Это просто представленье –
Под бабулино под пенье
На тарелках там и тут
Горы пончиков растут.

На такое угощенье
На субботу-воскресенье
Прилетала вся родня
И сидела у огня.
Мирно пончики жевали,
Вместе песни запевали
Про старинные дела,
Про степного про орла.
Кто-то спорил сгоряча,
Остальные пили чай
Целыми кадушками
С сахаром и сушками.

Собиралась вся семья.
И любимые дядья
Песни выли весело,
В небе куролесили.
Подлетали к облакам,
И, коснувшись их слегка,
Ярко пыхали огнем
И вокруг, как ясным днем,
Сразу видно становилось.
Вам такого и не снилось!

Утихал запал у них
На исходе выходных.
Хоть чудить еще охота,
Но наутро – на работу.
Расходились очень просто –
На прощанье много тостов
Пили за прекрасных дам
И летели по домам.
А бабулю на пороге
Чмокали перед дорогой.
Значит, будет передых
Ей до новых выходных.

Малышам такие встречи
Так запомнились навечно,
Что прошло уж много лет,
И давно бабули нет,
А сердца все эти годы
Согревает детства свет.

Сильно бабушку любили,
Ей «спасибо» говорили
За такие пончики
Малыши-дракончики.

Хочу напомнить древнегреческую легенду о фригийском царе Гордии. Почти за 1000 лет до нашей эры фригийцы избрали царем землепашца, въехавшего первым на телеге в город. Им оказался Гордий (греч. Gordias), который основал фригийское государство и подарил храму Зевса телегу с ярмом, опутанным сложным узлом, который никто не смог развязать. Миф гласит, что «Телега Гордия» (или его «ладья», как и ладья на колесах князя Олега) явилась из округи будущей Руси. После смерти Гордия оракул предсказал, что тот человек, который сумеет развязать узел Гордия станет властелином мира.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

ВАЛЕРИЙ ГАНСКИЙ

Саратовский график, работающий тушью и акварелью, Владимир Гордиас не один раз посещал Германию с творческими целями. За последние десять лет художник создал и выставлял множество работ, различных по тематике и образности, но так или иначе, связанных с Российской почвой, с природой, родным городом, Москвой, Прибалтикой и другими краями. Кто-то может вспомнить его «Всадниц» на выставке в «Белой галерее». На этой выставке уже были и работы, связанные с Землей Баден-Вюртемберг, с уникальным городом-памятником Хайдельбергом, Штутгартом и другими местами.

Вот, что говорит сам художник:

«Так сложилось, что мое сближение с Германией началось с Земли Баден-Вюртемберг – удивительным природно-рукотворным созданием, вышедшим из веков: роскошные долины, лавины лесных массивов, слетающих по склонам холмов; строптивые реки, бесчисленные родники, ручьи, минеральные источники, древние и современные города. Вообще ее история и культура ведут отсчет с античных времен.

Три последних года мои пристрастия и предпочтения были отданы городу Гёппингену. Наиболее притягательным для меня в Гёппингене является место, где сошлись парковые аллеи с вековыми деревьями, стены старинного собора (Главной церкви города) и заупокойная обитель именитых граждан города. Духовное, историческое и просто интересное и живописное место, требующее душевной отдачи. Внутренняя жизнь церкви – не менее волнующа, особенно во время богослужений. Естественно, что я пытался найти здесь наиболее привлекательные образы в графике.

В итоге у меня сложилась выставка в галерее Френцель в Гёппингене, где был представлен ряд большеформатных работ в смешанной технике (тушь, акварель), связанных с городом и Главной церковью.

Работы пришлись по душе руководителям церковной общины. Во время пасхальной недели одна из картин в присутствии представителей города и журналистов была пожертвована Обществу поддержки Главной церкви. На церковном празднике она была выставлена на аукцион для получения средств на реставрацию и возрождение собора».

Володя разворачивает свернутые в рулоны ватманские белые листы с набросками графических изображений улиц и зданий Гёппингена. Картины этой серии он обозначил городскими этюдами под номерами. Как композитор свои опусы. Но ему ближе названия «выстрелы», «сгустки», «взрывы». Этюд может быть и рисунком, выполненным с натуры и музыкальным произведением виртуозного характера, и шахматным упражнением. Этюды Гордиаса сочетают в себе все эти значения. Его графика как бы состоит из множества узелков, узоров, составляющих цельную картину жизни, музыкальной архитектуры зданий, улиц и целого немецкого городка, который так отчетливо виден на фотографиях Гёппингена, с населением всего около 250 тысяч человек. Этот городок известен тем, что в 1894 году здесь начали выпускать бумажные носовые платки (узелок на память). В нем есть музей и фирма, выпускающая игрушечные железные дороги, которая еще в 1891 году поставила свою продукцию в Зимний Дворец в императорскую семью Романовых. Кстати, узелковое письмо картин Гордиаса напоминает густую сеть игрушечных железных дорог со станциями, мостами, семафорами. (Железнодорожный узел).

И еще один экскурс в глубокое прошлое. Узелковое письмо – система передачи сообщений с помощью комбинаций и узелков на шнуре (до изобретения китайских иероглифов). То не просто узлы, это знаки слов, складывающихся в строки древних славянских песен. Например, часто встречающееся изображение простой петли расшифровывается как знак верховного славянского бога – Рода; окружность с крестом – это солярный символ знак Солнца. (Вспоминаю проект солярия в санатории «Октябрьское ущелье», выполненный архитектором Владимиром Гордиасом). Решеткой обычно обозначалось вспаханное поле, пахарь, богатство, благодать. Сколько петель и решеток в графических рисунках художника Гордиаса! Символ воды – это волнистая линия, а изображение дерева с рай-

скими птицами приобретает более глубокий смысл мирового древа. Есть у Владимира Несторовича такая картина – акварель, когда из древа вырастают шпили готических зданий.

Владимир Гордиас, как бы разматывая клубок нитей с узлами, создал свои этюды на картоне из песенных улиц Гёппингена, в центре которого находится древний храм, заложенный в 1436 году, объединивший и протестантов, и католиков, и всех жителей Гёппингена, помогающих восстанавливать памятник готического зодчества, имеющий сегодня и духовное и историческое значение.

Недавно наш город Саратов понес большую утрату – безвременно ушел из жизни замечательный художник, мастер пейзажной живописи, чье творчество по духу близко саратовцам и известно далеко за пределами города – Бадаква Валерий Викторович. Долгое время он работал вместе с другими художниками в мастерских, расположенных в Песковском переулке, на берегу Волги. Художники были связаны местом общения, общими интересами, именовали себя «Песковцами, и, порой, устраивали совместные выставки.

Вот, что рассказывает Гордиас:

«Мне случалось быть спутником Валерия, когда художник выбирал место, с которого открывался устраивающий его вид. Часто он ставил на мольберт большой холст с подрамником и писал картину сразу, без подготовительных этюдов. Попутно, я воспринимал от него тонкие и точные мысли и суждения по живописи, которые он имел как опытный и большой мастер. В целом, он хорошо относился к моим работам, как бы угадывал мои «пружинки», но иногда высказывал и нелицеприятные отзывы, за которые я не обижался, потому, что он был абсолютно прав.

Писал он все наши родные места, но не было у него в работах ни показного патриотизма, ни навязчивого умиления, но, кроме умения выразить тончайшие состояния природы, всегда была сквозная лирическая тревожно-щемящая нота.

За эту ноту, за эту щемящность великая благодарность художнику.

На углу переулка сохранился еще достаточно крепкий старинный дом, в котором проживал купец Песков, давший переулку название. На стене этого дома я надеюсь увидеть мемориальную доску, посвященную русскому художнику Валерию Бадакве».

Владимир Гордиас разворачивает передо мной свои графические работы, привезенные из Германии. Вглядываюсь в, казалось бы, густые и беспорядочные сплетения линий и различаю в них улицы, машины, деревья, горожан Гёппингена. В связи с этим вспоминаю отрывок из рассказа А.П. Чехова «Драма на охоте (Истинное происшествие)»: «Возвращались мы прекрасной дорогой по полю, на котором желтели снопы недавно сжатой ржи, в виду угрюмых лесов… На горизонте белела графская церковь и дом. Вправо от них широко расстилалась зеркальная поверхность озера, влево темнела каменная могила». Это довольно лаконичное и образное описание создает настроение, передает определенную гамму ощущений. Так и линии, связанные в узелки, на картинах Гордиаса передают воздушное настроение и ощущение движения жизни и мысли. А жизнь, как и надежды художника, устремлена вперед.

«СВ» – саратовская газета внимательно следит за творчеством художника-графика. В ее публикациях уже рассказывалось о встречах Гордиаса с немецкими любителями живописи. Все больше и больше крепнут его связи с Германией, завязываются в тугой узел дружбы. Как пение мифической птицы Сирены действуют на Владимира божественные песнопения в католических и евангелических церквях Гёппингена. Но мечты его уже летят дальше, на Дунай в город Ульм, место, где родился Альберт Эйнштейн. Где самая большая церковь юга Германии с самой высокой башней мира (161,53 м) и 768 ступенями, с органом, имеющим около 8.000 труб,

Еще неизвестно какими уличными пейзажами Ульма поразит нас щедрая графика Владимира Гордиаса, но известно, что его узелковое письмо из знаков-символов, сплетенное в один узел дружбы, не разрубить никогда.

P.S. В 333 году до н. э. Александр Македонский попытался развязать Гордиев узел, но не нашел его концы, тогда он разрубил его ударом меча. Гордиев узел – самый простой из всех узлов таро (геометрическое тело, похожее на бублик или сферу, в бесконечном движении входит с одной стороны и выходит с другой). Эта форма символизирует Единого Бога и соотношения Святой Троицы, которая выходит из единства и существует во всем.

ОЛЬГА И МИХАИЛ ЧЕХОВЫ

МИХАИЛ СЕРЕБРО, ЧЛЕН МГП

Давайте поначалу разберемся в родственных связях этих выдающихся людей. Надеюсь, писателя Антона Павловича Чехова и его жену Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову знают все.

А вот их племянника Михаила – немногие.

А уж, тем более, жену племянника – Ольгу Чехову (девичья фамилия Книппер).

Ольга Леонардовна

Михаил Чехов

Жизнь этого актера, теоретика театра, режиссера и педагога – всегда была овеяна легендами. Он принадлежал к знаменитой школе психологического искусства Художественного театра.

…В пятидесятых годах прошлого века, когда я еще учился в ГИТИСе, меня как-то позвали читать текст за кадром в одну из телевизионных программ на Шаболовке. Сохранился сценарий, который мне тогда прислали. Передача называлась «ЧЕХОВЫ» и начиналась с кинофильма двадцатипятилетнего Сергея Соловьева по новелле Антона Павловича Чехова «От нечего делать». В нем был великолепный актерский ансамбль: Вячеслав Тихонов, Алиса Фрейндлих, Николай Бурляев...

А после художественного фильма начинался документальный. Действие переносилось в Ялту, в чеховский дом-музей. Отворялась дверь и… в кабинет великого писателя входила его вдова.

Эта лента, снятая более чем полвека назад, сдержанностью и привязанностью к реалиям рождала ощущение абсолютного доверия к происходящему на экране... Скромный кабинет писателя оживал, когда руки жены Чехова касались лежавших на письменном столе бумаг.

В те времена Ольга Леонардовна блистала на подмостках Художественного театра. Ее мужа сам великий Станиславский называл «гением сцены». Ее брат, Лев Книппер, – композитор-песенник, автор советского шлягера «Полюшко-поле»… Ко многим членам этой семьи можно, не задумываясь, применить слово «талантливый». Но сейчас я хочу рассказать о Михаиле и Ольге Чеховых. И поможет мне в этом чудом сохранившийся дневник, в котором я записал то, что запомнил по свежим впечатлениям от рассказов замечательной актрисы и талантливого педагога.

Народная артистка СССР приезжала в ГИТИС читать свои лекции на автомашине Mercedes-Benz Maybach, украшенной трехлучевой звездой дизайна знаменитого Вильгельма Майбаха, который разрабатывал первые модели Daimlera.

Мы почтительно «вынимали» Ольгу Леонардовну из машины и «под-ручки» сопровождали в аудиторию. А там наводящими вопросами ловко меняли тему занятий «по мастерству актера» на воспоминания о знаменитых племянниках.

Конечно, нам, студентам театральных вузов, имена Михаила и Ольги Чеховых были хорошо знакомы. Но в те времена они находились под негласным запретом. Ну, как же!

«Бежали из СССР»! «Предали родину!».

Однако Ольга Леонардовна – женщина независимая, орденоносец и депутат – пренебрегала разного рода запретами и потому рассказывала…

Любимый ученик Станиславского, он обладал огромной актерской заразительностью и на каждом спектакле казался «чудом, которое нельзя разгадать».

Еще в 1918 году он создал свою студию, где занимался исследованием актерской психотехники. Через три года сыграл Хлестакова в знаменитой постановке «Ревизора» (режиссеры Станиславский и Немирович-Данченко) так, что стал эталоном исполнения этой роли. Это была игра на грани волшебства и, несмотря на то, что и зрители, и актеры на сцене и за кулисами хохотали до слез над чеховскими импровизациями, – все шестым чувством угадывали глубокую трагедию неудачника, ставшего «калифом на час».

В истории русского театра М.Чехов считается одним из лучших создателей этого образа.

Мой любимый педагог Мария Осиповна Кнебель писала: «Игру Чехова помню до мельчайших деталей и воздействие его на зрителей считаю чудом, ради которого, может быть, и существует театр. Отделить полностью Чехова-актера от Чехова-педагога, его игру на сцене от его уроков в студии мне трудно. Он был, прежде всего, художником. Вот, например – Фрезер («Потоп» Бергера) был весь соткан из противоречий. Мелкий биржевой маклер, он трагически переживал свое разорение и люто ненавидел тех, кто довел его до этого. Его злобу, его зависть и ненависть Чехов довел до эксцентрики, до фарса. Но когда призываемый им на головы обидчиков потоп на самом деле произошел, Фрезер, перед лицом смерти, бросился спасать своих супостатов, обнаружив светлые стороны своей души, о которых едва ли догадывался сам. На премьере Чехов оробел настолько, что отказался выйти на сцену. «Женя, не сердись, я не знаю, как играть Фрезера», – с ужасом сказал он Вахтангову. Вахтангов молча

яростно повернул Чехова лицом к сцене и буквально вытолкнул его из-за кулис. К его удивлению, Чехов-Фрезер тут же бойко заговорил, но почему-то с еврейским акцентом, которого не было на репетициях и который он сам потом затруднялся объяснить. Чехов играл Фрезера долго. Эта роль принесла ему неслыханный успех».

После смерти Сулержицкого и Вахтангова студию МХТа возглавил М. Чехов. И первым делом он решил поставить «Гамлета». На этой шекспировской трагедии он хотел осуществить свою давнюю мечту – подход к тексту через движение. Так как у него не было исполнителя на роль Гамлета, Чехов решил играть сам. Никто не верил, что он может сыграть Гамлета – настолько это была не его роль. Но Чехов сыграл и сыграл блестяще. Воистину, он не казался Гамлетом, а был им.

«Гамлет» имел успех. Но сам Чехов со свойственным ему самокритицизмом считал, что он не дотянулся до того Гамлета, который ему виделся. Станиславский не без ехидства заметил, что Чехов – не трагик: «Трагик плюнет, и все дрожит, а вы плюнете, и ничего не будет». Такие оценки Константин Сергеевич имел обыкновение давать, чтоб актер не зазнавался. Чехов в юности благоговел перед Станиславским и был верным и преданным его учеником, последователем всю жизнь, что не мешало ему говорить, что теории Станиславского трудно следовать, потому что Мастер очень часто отрицает все, что говорил накануне. Тем не менее, студия была переименована во Второй Московский художественный театр и перешла в новое помещение на Театральной площади. Чехов стал директором нового театра.

Однако, Ольга Леонардовна, признавая за племянником талант и педагогические способности, не скупилась и на другие характеристики:

– Вольтерьянец и шалопай был наш племянник, вот, что я вам скажу! – Великолепный, отлично поставленный голос потрясал аудиторию. – Но чертовски обаятелен! Никто не мог перед ним устоять. Ни Антон Павлович, ни я, ни Станиславский… Да что там скрывать!? Чего уж там… Я вам расскажу историю его женитьбы… Но сначала об Оленьке.

Она усаживалась поудобнее, и… время переставало существовать.

– Надо вам сказать, что мы – Книпперы происходим из обрусевших немцев, что перебрались в матушку-Россию из Вестфалии…

И далее шел рассказ, который в моем дневнике записан особенно подробно.

Июльским солнечным днем 1897 года в сад одного из домов городка Помри, что в Грузии, пробрался шакал, выхватил из колыбели спеленутого ребенка и скрылся в кустах. И если бы не верная такса Фромм, поднявшая тревогу и отважно бросившаяся в погоню, мир не узнал бы талантливой актрисы снявшейся в 140 фильмах. А девочка с немецкой кровью и русской душой так и не выросла бы.

В семье инженера Константина Книппера было трое детей: Ада, Ольга и Лев. Средняя дочь, выделявшаяся красотой и умом, интересовалась театром. Когда Ольге исполнилось шестнадцать, родители отправили ее в Москву, к любимой тете, родной сестре отца, – Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, которая определила племянницу в студию при Художественном театре, где сама играла уже несколько лет.

Впрочем, учеба для Ольги завершилась быстро. Она влюбилась в актера Михаила Чехова, считавшегося восходящей звездой МХТ, тайно обвенчалась с ним и переехала к нему.

Узнав о происшедшем, к молодоженам примчалась Ольга Леонардовна и с истерикой, и обмороками на лестнице перед дверью квартиры, потребовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней. Та отказалась. Молодые надеялись, что дело как-то разрешится, но все закружилось в водовороте волнений и взаимных оскорблений.

Родня Оленьки была шокирована. Женитьба вызвала бурю негодования. А уж положение Ольги Леонардовны действительно выглядело ужасным – родители доверили ей дочь, а она не усмотрела. Кроме того, отец Оли занимал довольно важный пост в Петрограде, а Миша тогда был всего лишь маленьким актером «на выходах».

Ольга Леонардовна телефонировала в Петроград, куда к тому времени переехала семья. Константин Леонардович прибыл немедленно и потребовал Олю домой. Под напором отца, дочь (временно!) согласилась вернуться к тетке.

– И вот вам пример Мишиного обаяния – все эти трагедии длились недолго, Миша был принят родными Оли вполне хорошо. Установился семейный покой и порядок, юная жена была вполне довольна: у нее талантливый муж, и родители с ним поладили. Вскоре Оленька пишет мне, что: «Вот уже целую неделю, как мы в Петербурге. Миша играл уже раза три. Успехи у него небывалые. Впрочем, ты, вероятно, сама знаешь из газет. Живем мы у моих родителей. Папа к Мише очень и очень хорошо относится. Мир полный.»

У них родилась дочка Оленька. Ольга – любимое имя в семье Книппер… Но! С гениальным актером, а Миша, конечно, был актером от Бога, жить не просто, тем более юной и неопытной девочке. Михаил был театральным, богемным человеком, весьма экспрессивным, пьющим и еще со многими житейскими недостатками, которые помогают таланту, но мешают женам.

Помню, когда бывала у них в гостях, такую домашнюю картинку: Миша с любопытством рассматривает родившуюся дочь и говорит, что пока никакого чувства у него не рождается. Молодой отец требует внимания к себе. Капризничает, ревнует, хочет, чтобы жена занималась им. Дочку отдают няньке. Нянчит ее m-me Лулу.

Семейная жизнь у молодых по-настоящему так и не наладилась. Они развелись в декабре 1917 года.

«Помню, как уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: «Какой ты некрасивый. Ну, прощай. Скоро забудешь. И, поцеловав меня дружески, ушла, – пишет Михаил Чехов. – Потом она, правда, заявила, что эти слова произнесла, «чтобы он перестал меня боготворить и идеализировать! Для его же блага!»

Ольга Чехова

Постепенно страсти улеглись. Ольга, вернувшись в Москву и сняв отдельную квартиру, с упоением окунулась в жизнь московской богемы. Она была вхожа в дома Станиславского и Качалова, знакома с Горьким, Немировичем-Данченко, Вахтанговым, многими известными артистами, писателями, художниками. Ей страстно хотелось проявить себя, она посещала занятия в студии Художественного театра, поступила в Училище живописи, ваяния и зодчества. Но ее время еще не пришло, ее талант «проснется» и заблестит всеми гранями позже.

Основное действо ее жизни началось через 23 года после того рокового случая, когда шакал украл ее из колыбели.

В 1920 году актриса МХТ Ольга Чехова, неудовлетворенная своим положением в театре, попросила у Наркома просвещения Луначарского разрешение на выезд в Германию. И получила это разрешение. Но не все так просто…

В том же 1920 году четвертый конгресс Коминтерна принял решение о создании МОПБРа – «Международной Организации Помощи Борцам Революции» – гигантской спецслужбы по финансированию Мировой революции. Сотни агентов Коминтерна с этой целью наводнили Германию. Впрочем, не только Германию. По всей Европе создавались партии левого толка, которых субсидировал Коминтерн. Кстати, вот парадокс Истории – страна, впоследствии подвергшаяся агрессии, субсидировала агрессора – нацистскую партию под названием НСДАП…

Но вернемся к Ольге Чеховой…

Прочитав множество статей и перелистав не одну книгу, я постарался собрать более или менее достоверную информацию среди множества мифов и неточностей. Истинные причины отъезда Ольги покрыты тайной, как и многое в ее даль-

нейшей жизни. Документальных свидетельств не сохранилось или они не обнародованы, но по слухам отъезду предшествовали длительные беседы Ольги с Яном Берзиным из Разведуправления РККА. Возможно, тогда ее и завербовали, а в качестве гарантии в Москве оставили ее мать и дочь.

В Германии начался новый этап ее жизни. Берлин в это время – средоточие всего нового в искусстве. Множество театров, выставок. Кинематограф завоевывает свое место под солнцем. Все молодое и талантливое стремится в Берлин. В маленьких театрах Ольга продолжает свою карьеру актрисы. Здесь ее скоро заметили и пригласили сниматься в кино.

Выразительное, надменное лицо, яркая внешность и решительность жеста – все это хорошо подходило для немого кино. Она играла героинь и авантюристок. Вскоре она была занята в шести-семи картинах в год. Наибольший успех имели фильмы с ее участием «Маскарад», «Крест на болоте», «Город соблазнов» и «Мулен Руж». Она снялась на «Фабрике грез» в Голливуде у «кудесника ужасов» Альфреда Хичкока в фильме «Мэри». Но на предложение остаться в Америке ответила отказом.

Михаил

После гастролей МХТ в Германии один из лучших его артистов Михаил Чехов не вернулся в СССР.

«С подачи» своей бывшей жены, с которой продолжал дружить, он снялся в трех фильмах, работал в театре Макса Рейнхардта, попытался организовать свой театр, но получив отказ в субсидии, переехал в Париж. Выступал на сцене европейских драматических театров. С 1939 г. жил в США, создал там свою актерскую школу, которая пользовалась огромной популярностью. Через нее прошли Мэрилин Монро, Клинт Иствуд, Энтони Куинн, Юл Бриннер и многие другие голливудские звезды. Ее называли «кузницей театральных талантов». Михаил Чехов время от времени снимался в кино, в частности в фильме «Завороженный» (реж. А. Хичкок), за который номинировался на «Оскара» в номинации «Лучший актер второго плана». Написал книгу «О технике актера». Умер в Беверли-Хиллз (шт. Калифорния) 1 октября 1955 г. Урна с его прахом захоронена на кладбище Форест-Лон-Мемориел («Лесная поляна») в Голливуде.

Ольга

Постепенно она становилась одной из самых знаменитых и почитаемых актрис в Германии, а когда к власти пришли нацисты, еще и одной из любимейших актрис «наци», потому что Гитлер боготворил фильмы с ее участием и был без ума от «Пылающей границы». Он обожал «русскую Олли», и на дни рождения, Рождество и другие праздники посылал ей сладости, а также свои портреты с надписью: «Госпоже Ольге Чеховой в знак искреннего восхищения и уважения. Адольф Гитлер».

Потом, в своих мемуарах, она напишет о немецкой элите со свойственным ей аристократическим высокомерием: «Гитлер робкий и неловкий, хотя с дамами держится с австрийской любезностью. Ничего демонического или завораживающего. Поразительно его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного оратора, когда он оказывается перед толпой».

«Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер производит впечатление чего-то незначительного. Похожий на землемера на пенсии, с круглым обывательским лицом, он топчется и чувствует себя явно не в своей тарелке, когда же видит меня в глубоком декольте, каменеет от изумления».

«Геринг тщеславен, напыщен и склонен к шарлатанству». «Геббельс пытается избавиться от комплексов, вызванных косолапостью и маленькой, абсолютно не германской фигурой, тем, что, используя пост министра, норовит переспать со всеми рослыми и смазливыми актрисами».

А вот Муссолини в ее восприятии оказывается «образованным и начитанным собеседником».

Ее фильмы имеют большой успех у зрителей, а фильмография растет, как на дрожжах. Кстати, в отличие от многих коллег Ольга легко перенесла переход из немого кино в звуковое. Она успешно делает карьеру актрисы театра и кино и даже режиссера. В 1930 году она получает немецкое гражданство, что было тогда для выходцев из СССР не просто.

Когда Марлен Дитрих и Ольгу Чехову пригласили в Голливуд, Марлен там осталась, а Ольга вернулась в Германию. И руководство Рейха этого не забыло. К 1933 году Ольга Чехова не только в зените славы, но и становится заметной фигурой германского истеблишмента. Все решило личное знакомство с Адольфом Гитлером. Она появилась на рауте и сразу привлекла внимание фюрера. После первой встречи они неоднократно появлялись вместе на светских и даже официальных празднествах и мероприятиях. Во время визита Молотова в Германию на праздничном вечере, посвященном советскому гостю, Гитлер лично представил ему Ольгу Чехову. Ее ближайшими подругами становятся Ева Браун, Магда Геббельс, Лени Рифеншталь и жена Геринга актриса Эмми Зоннеман. Посещать вечера в ее доме считалось престижным и даже полезным. Многие обращались к Ольге за помощью, это были и деятели культуры, и военные, и гражданские служащие, и Чехова многим помогала. Естественно, она сразу же попала в поле зрения спецслужб и вызвала весьма серьезные подозрения. Особенно эти подозрения усилились после одного случая: на банкете у Геббельса в июле 1941 года, в ответ на его утверждение о неизбежности победы Германии над Россией, Ольга, глядя ему в глаза сказала, что это невозможно, и что Россия – это не Франция…

…А потом был 1945 год. Германия лежит в руинах. 29 апреля Ольгу Чехову арестовал СМЕРШ. Ее отправили самолетом в Москву, откуда она 30 июня этого же года как ни в чем не бывало вернулась в Берлин и поселилась в своем же особняке. Когда у нее угнали машину, то по приказу начальника СМЕРШа советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Вадиса, машина была найдена и с извинениями возвращена.

А потом была Западная Германия и новые фильмы. Чехова снималась в кино до 1974 года. А в 1955 году основала в Мюнхене фирму «Косметика Ольги Чеховой» с филиалами в Берлине и Милане. Умерла она 9 марта 1980 года в Мюнхене, на 84-м году жизни.

Чтобы до конца осознать масштаб ее личности, вглядитесь в список людей, с которыми она была знакома: Л.Толстой, А.Чехов, М.Горький, Ф.Шаляпин, К.Станиславский, Ч.Чаплин, А.Луначарский, К.Гейбл, Г.Купер, Ж.Габен …

В книге «Разведка и Кремль» генерал П.Судоплатов утверждал, что Ольга Чехова работала на советскую разведку, и даже существовал сверхсекретный план покушения на Гитлера с ее участием. Генерал рассказывал, что после уничтожения в 1942 году «Красной капеллы» в Берлине, в Германии «уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния». Перечисляя тех, кто уцелел, Судоплатов говорит, что «не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные связники с ними». Кроме того, он говорил и о том, что и ее близкие были вовлечены в агентурные планы: «Мы создали еще одну автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гариковне».

Ольга Чехова никогда этого не подтверждала. Но и не отрицала.

…В любой женщине есть тайна. А эта была буквально соткана из тайн, красоты и несомненного таланта. В послевоенной Европе ее называли российской Мата Хари. Книга ее воспоминаний «Мои часы идут иначе» – увлекательнейшее чтение, где вымысел изящно переплетается с действительностью. Но даже в этой книге она так и не раскрыла свою главную тайну, унеся ее в могилу.

РЕСТАВРАЦИЯ ЧУВСТВ

Уважаемые читатели! Предположим на минуту, что я занимаюсь не писанием очерков, а, будучи эмигрантом с инициативой, открыл свое дело (ресторан, кафе или салон красоты), и вы посетили его. Конечно, я вас замечательно обслужил. и вы решили свои впечатления выразить на бумаге, точнее в книге отзывов. Текст будет примерно такой: прекрасный сервис, качественный продукт, спасибо и желаю успехов. С вариациями. А вот перевод подлинной записи в книги отзывов:

«Мое имя Роже Сен-Жан Младший, рожденный в 1964 г., сын Даниеля Фурнье, внук Оскара Фурнье. Последний был владельцем этого дома с 1967 по 1969 годы. Я тоже имел честь жить здесь в 1968 г., когда мне было 4 года. Воспоминания всплыли в моей памяти, когда посетил Вас. Я желаю долгих лет Вашему кафе».

Каково? Ну открываются кафе в старых домах, пришел человек понастальгировал, попил кофе, да и пошел. Но чтобы респектабельно, с подробностями семейной жизни.... И ведь такая запись не единична.

Чтобы долго вас не интриговать скажу сразу: я цитирую книгу отзывов кафе-галереи VAND-ART и обращены они к ее хозяйке Виолетте Сафаровой.

Еще одно кафе? Еще одна хозяйка? Монреаль, а пишу я о монреальском кафе, этим трудно удивить. Однако Сафаровой удалось, да еще как!

Начнем с большой географии. Монреаль – архипелаг речных островов. Все территории южного берега, что отсекаются широким, полноводным, порожистым Сен-Лораном, стали потихоньку интегрироваться в мегаполис только после появления пароходов и строительства первых мостов в конце XIX века. А до того, столетиями, молодые фермеры подвергались соблазну бросить хозяйство, переплыть реку и устроиться работать в порту или на мануфактуры. Так оно и происходило.

В 1859 г., купив обширные наделы, – тогда эта заречная территория назывались Баронет Лонгёй, – некий господин Медхар Боутилье (Medhar Bouthillier) закладывает для своей семьи первый в этих местах настоящий дом. Люди обосновывались прочно: для фундамента и облицовки использовались речные валуны; распиленные пополам стволы гигантских деревьев, уложенные горизонтально, несли на себе (и несут до сих пор) всю наземную конструкцию. Крутая крыша дала место для просторной мансарды. Медхар живет здесь с первой женой; после ее смерти, на многие годы хозяйкой становится мадам Дюбук. В историю этот дом так и вошел под названием «Дом Боутилье-Дюбук» (Maison Bouthillier-Dubuc). Подобно песчинке в жемчужной раковине, дом консолидировал вокруг себя поселенцев будущего города Сант-Уберта (теперь это один из районов Большого Монреаля). Дочь Медхара вышла замуж за основателя этого города. Следующий хозяин дома, Гектор Хуберте (Hector Huberteay), крупнейший меценат, открывает на своей земле недалеко от дома первую школу. Его дочь Клер, ныне 96-летняя, а тогда юная девушка, получив серьезное образование, стала преподавательницей этой школы. Семья Гектора владела землей и домом до 1954 г., а потом началась череда перепродаж. Увы, последние пару владельцев только отнимали у дома, ничего не добавляя. Естественно, под маркой осовременивания. К нашему времени он являл собой полуживописные развалины с перспективой сноса и застройкой кондоминимумами, под стать соседским.

Мне, эмигранту, это все интересно постольку-поскольку. А местному населению? О! Стоит дополнить большую географию большой историей.

Канада, как известно, страна двуязычная, Монреаль – крупнейший город франкоязычной провинции Квебек, а ее жители, квебекуа, очень патриотично настроенные люди. В девяностые годы прошлого века дело, по советскому примеру, чуть было не дошло до развала Канады. Так что за родную историю и культуру они – горой. Деньги из бюджета на народные празднества – всегда пожалуйста. И среди этого безбрежного энтузиазма тихо зарастал бурьяном дом отцов-основателей.

Тут на исторической сцене (без всякой иронии) появляется уроженка славного города Ташкента Виолетта Сафарова, армянка по происхождению, ученый-химик по профессии, бизнесмен по обстоятельствам жизни, а по призванию.... Вот оно: Призвание. Это и есть содержание данного очерка.

В 2004 г. Виолетта выкупила остатки дома и поставила цель не обогатиться за счет нового стро-

ительства, а провести научную реставрацию, с восстановлением ВСЕХ элементов конструкции и интерьера в стиле конца XIX начала XX веков... Нет, вы не правильно меня поняли. Ей, ее мужу и двум сыновьям есть где жить. Более того. В течение нескольких лет она занималась проектированием, строительством и продажей вил. Чего же еще искать?

Пока вы раздумываете над ответом, я продолжу.

Для того, чтобы реализовать свою идею, Виоллета пошла в архивы, где изучила архитектурные проекты сельских усадеб позапрошлого века, составила реестр требуемых материалов и приступила к делу.

Самым ярким эпизодам явилась доставка с тихоокеанского побережья потолочной десятиметровой цельной балки, просушенной и пропитанной особым способом. Однако главными инструментами, которыми Сафарова возрождала заброшенный дом были и остаются любовь к искусству, желание творить, вкус и, одновременно, дотошность в мелочах, деловая хватка, а уж пилы да молотки – дело вторичное. Реставрация продолжалась 5 лет. Вдумайтесь в эту цифру! Не дворца, не замка, а сельского одноэтажного дома.

Результат трудов поражает: вощеная старинным методом древесина, оконные переплеты, двери – ручная работа по чертежам той эпохи; обрушенная валунная облицовка и камин восстановлены итальянскими мастерами (их еще надо было найти в Монреале)... Кованные светильники, дверные и оконные ручки, шпингалеты, задвижки... Хотите продолжу? Керамический умывальник и ванная той эпохи, стулья, освобожденные из плена столетних покрасок..., входной звонок... И далее... хватит на пару таких статей. Плюс современная система круглогодичного поддержания влажности и температуры, что абсолютно необходимо для сохранности деревянных конструкций... Повторюсь: реставрация НАУЧНАЯ, без дураков.

На такое лакомство мгновенно слетелись люди с семизначными предложениями в карманах. Им не повезло.

Ладно, восстановила, угрохала кучу денег, дальше что? Войлочные тапочки и музейная скука? Ничего подобного. Сафарова пошла по пути кафе – галереи – музея – музыкального салона – культурного центра. И все эти ипостаси объединяются одним обязательным условием: уникальность. Для радости гурманов VAND-ART предлагает меню шоколада редчайших европейских сортов, торты по оригинальным рецептам, чаи и кофе всех мыслимых вкусов; как галерея – экспонирует и продает современную живопись, графику, скульптуру, художественно оформленные букеты, ювелирные изделия из редких камней, авторский фарфор и стекло, изделия из натуральной кожи. Музейная экспозиция удивит старинной квебекской мебелью, антикварным фарфором, живописью. Виоллетта проводит лекции по истории сельского землепользования в Квебеке (походы в архивы дали и такой материал).

Далее, концертная субботняя программа для любителей живой классической музыки в исполнении лучших музыкантов и певцов. Как минимум за сезон пару вечеров, посвященных русской поэзии, романсу и обязательный вечер типа «Россини – музыкант, Россини – кулинар» или «Дюма – писатель» «Дюма – гурман» с соответствующими блюдами от классика. А празднование масленицы с блинами... Но и этого Хозяйке показалась мало. Рядом с домом она разбила сад-огород, потчуя посетителей свежими плодами.

Описание чудес невольно может создать у читателей впечатление о кафе VAND-ART, как о чем-то торжественно-многозальном. Ничего подобного.

Во-первых, Виолетта обходится одним помощником, без штата поваров и официантов. Все меню – только своими руками. Во-вторых, то, что я описал выше, функционирует в зале первого этажа, мансарде и небольшой кухне. Каждый сантиметр этой площади используется абсолютно. Не зря завсегдатаи любовно называют кафе «наша пещера Али-Бабы». Я бы скорее помянул сказки Андерсена, столь сказочен и уютен интерьер. А когда зимним вечером, у камина, звучит музыка в исполнении выдающегося скрипача Марка-Андре Готье... И скрипка-то не простая, а... вы давно слушали «Страдивари»? Домашняя обстановка предполагает полное доверие всех присутствующих друг к другу и в антракте Маэстро любезно разрешил дотронуться рукой до инструмента.

Однако, стоит вернуться к отзывам. У квебекуа, посетивших кафе, наступает момент расставания с мифами. Они прямо говорят: «Мало кого из молодежи интересует наша история в лицах и бытовых мелочах. Но чтобы эмигрантка столь любовно и со знанием дела хранила наше прошлое, такое просто непредставимо».

Заслуги Виолетты Сафаровой были замечены местной элитой. Виолетту ввели в муниципальный совет по культуре. Вот уже третий год кафе признано лучшим бизнесом Южного Берега Монреаля. Фотографии и описание отреставрированного «Дом Боутилье-Дюбук» вошли в юбилейный альбом к 350-летию Баронет Лонгёя. Только в этом официальном издании ему присвоено новое название: «Maison VAND-ART». «Дом VAND-ART». И комментарии к этому факту излишни.

Большинству эмигрантов Канада вернула чувство стабильности, чувство дома. Именно под крышей кафе VAND-ART это ощущается особенно остро. И пусть так будет всегда.

Автор понимает, что мало найдется тех, кто поверит в возможности одного человека по доброй воле совершить и совершать то, что живописуется в данном очерке. Одновременно я уверен, что есть тайна, которую не разгадать никому и никогда. Это тайна Призвания. Поэтому, лучше всего не ломать голову о размахе авторских фантазий, а просто восхищаться теми дарами, которые Виолетта готова нам преподнести.

В книге отзывов отметился

Леонид Ватник, посетитель

ШАМАНСТВО ЗВУКОВ, ЧУДЕСА ФОРМ

ЕЛЕНА АНАНЬЕВА, ЧЛЕН МГП

«Художник… должен воспитывать себя и научиться углубляться, должен, прежде всего, культивировать душу и развивать ее, чтобы его талант стал облачением чего-то, а не был бы потерянной перчаткой с незнакомой руки – пустым и бессмысленным подобием руки».

Василий Кандинский
«О духовном в искусстве»

Подумалось: возможно искусство Василия Кандинского трансформировалось из космических излучений? Возможно он считывал его с высоких сфер параллельных миров? Чуткий взор художника заметил в фантастических разломах облаков скрытое движение атомов и перенес фантасмогорические видения на живописные плоскости. В век зарождающихся скоростей приоткрыл завесу таинственного и препарировал окружающее. Вот они новые сюжеты беспредметных красочных излияний! Вглядываясь в бесформенные новообразования на живописной плоскости, видишь в них матрицу, отображающую вселенский хаос. Не в этом ли предчувствие приближающейся катастрофы, с которой столкнулись, пришлось погибнуть или выжить поколениям.

Считается: модернизм XX века – искусство хаоса и катастрофы. Вся классическая система, возводимая тысячелетиями, рухнула. Что осталось? Теория относительности дает четкий ответ и это можно почувствовать, что пришло вместо строгой классичности. На четкие физические законы-«векторы» нанизываются художественные принципы. Воздух, перспектива, движение, светоносная сила, музыкальность, ритмичность, хао -тичность, – абсолютный абстракт… музыкальный абстракт...

Очевидно, что уже тогда зародилось искусство Космических Знаков, сопровождаемое музыкальными импровизациями, о новизне которой твердят сейчас иные графики.

Нефигуральные идеи в эпоху мировых войн и революций витали в воздухе. С фигурами – людьми известно, что происходит, они несут страдания, им уготовано столько испытаний, они развратны и пошлы. Ассоциативный ряд жесток и беспощаден. Возможно, не случайно ислам не позволяет изображения тел. Не удивлюсь, если творчество Пионера абстракции будет поднято на щит мусульманских культурологов.

...Первооткрывателем и идеологом Абстракта, новой живописной субстанции, заговариваемой и разговариваемой вполне шаманскими мантрами, стал Василий Кандинский. Это – закодированная программа защиты идеалов духовности, найденная в хаосе мироздания, наступления против ограниченности и пошлости, очищения и защиты от зла с помощью графических Знаков – знаковых фигур. Игра цвета и импровизации звучания его с плоскостей произведений Художника.

* * *

Одесса, 1908 год

Бытует несколько мнений о том, когда появились первые абстрактные произведения Василия Кандинского. Думаю, эта дата восходит к первым выставкам в Художественном салоне в Одессе, где публика уже в десятые годы прошлого столетия оказалась под шоком от «селедки с луком» и прочими модерновыми выбрыками Первого абстракциониста. Иногда отодвигают это событие во времени дальше, приписывают его встрече с Паулем Клее в Баухаусе в Дюссау, где Кандинский преподавал с … 1921 года!

1908 год – знаковый для жизни Василия Кандинского, он сам так считал, что произошел резкий перелом в его творчестве, определенный им самим как «скачок в абстракцию». Случилось это в Мурнау: однажды вечером, вернувшись в свою мастерскую, художник увидел «неописуемо-прекрасную, пропитанную внутренним горением картину, состоявшую исключительно из красочных пятен». Кандинский узнал в ней собственную картину, «прислоненную к стене и стоявшую на боку».*

Именно тогда, по признанию самого художника, ему стало «бесспорно ясно, что предметность вредна» его картинам. Возникло желание писать мазками, музыкальными «четвертями» и «восьмушками», но не представлять реальные предметы.

И еще одно подтверждение более раннего обращения Василия Кандинского к абстрактному искусству.

В московской газете «Раннее утро» от 11.12.1910 (!) года рецензент Ивановский писал, что все участники выставки пренебрегли всеми законами творчества. «Я простоял целых 10 минут около этих импровизаций и ничего – абсолютно ничего не понял… Нет ни лица, ни ног, ничего. Скажите, разве это не ужас?»

А это только десятые годы прошлого столетия…

* * *

Франкфурт-на-Майне, 2011 год

В октябре на Международной книжной выставке-ярмарке «Франкфуртской Buchmesse» в уникальном, огромном зале антиквариата, как зал

аэропорта, со всеми вытекающими из этого последствиями: металлоискателем, дверью, лотками для снимаемых вещей, очередью, – было выставлено на продажу письмо Василия Кандинского в Нью-Йорк своему дилеру, датированное 1937 годом. В письме художник, сокрушаясь на остракизм, которому он подвергся при нацистском режиме, отторгнувшем его, подтверждает, что «самая первая абстрактная картина 1911 года». В первые же дни работы книжной выставки письмо было куплено за 5 тысяч евро.

На стендах рядом – старая периодика Германии: стопки экземпляров в пластиковых обложках газеты «Der Sturm», 1913 год, запомнила. Привлек внимание мартовский номер. Всю первую полосу занимает огромная статья – критика работ Василия Кандинского. Как и в одесской прессе того времени, насмешки над формой, пестротой… Захотелось переписать несколько абзацев из газеты. Оказалось, конечно можно, только… после покупки этого экземпляра. А ведь подумать только, как газета пережила кровопролитие мировых войн! И появилась здесь! В связи с этими фактами датировку первых абстракций никак нельзя принять за 1921 год.

* * *

Мюнхен, 1896 год – Москва, 1900 год

«Я добьюсь своего! Непременно добьюсь! Я стану знаменитым в мире художником!» – думал молодой человек, выезжая за границы России. Именно в 1896 году, то есть тридцати лет от роду, появился Василий Кандинский в Германии. Он приехал в Мюнхен – баварскую уже тогда культурную столицу – респектабельным молодым человеком. Свежий ветер с Альп, слепящее ясное солнце, памятники архитектуры, огромные площади и широкие просторы земли, сродни российским, вдохнули в его душу уверенность: здесь я добьюсь задуманного.

С иголочки одетый по последней моде, высокий, импозантный. Шляпа, пенсне. Интеллектуальный и возвышенный, он сразу давал понять, что он – не просто образованный человек. Он показывал свое благородное происхождение, глядя на окружающих несколько свысока. Потенциально «гонимый» впоследствии из общества. Но в его роду было намешано столько разных корней… По одной из генеалогических линий он восходил к монгольским князьям. Некоторые исследователи относят их к роду шаманов.

Не буду вдаваться в подробности биографии Василия Кандинского. Но хочу обратить внимание на интересный «микс». Корни отца из сибирского городка Кяхта, по роду из нерчинских купцов, потомков ссыльных каторжан, и бабушки – монгольской княжны изначально заложили уникальный расклад характера, приверженность к европейским и азиатским традициям культуры, широту души и выносливость натуры, склонность к экспериментам и всякого рода оригинальностям, народный, сметливый склад ума. Будучи однажды в длительном путешествии по Сибири, он привез с собой в Германию эту снежную, кристальную завороженность игрой блестящих поверхностей. Неизбывную страсть к народным преданиям, орнаментам, колдовским травам и вызываниям духов, пляскам у костра и обрядам. Шаманы, юрты, расписные тамтамы, обильно украшенные символическими знаками... Все это легло в основу основ творческого метода. Знаковость! Предвосхищение событий!

На границе цветов и морей
Краски вязь ты на стыки полей!
Растекутся подобные звуки,
Закружат, отведя от разлуки
Грусть-прощание журавлей, –

писал в цикле «Абстрактный путь: Василий Кандинский».

«Если хочешь чего-либо нового, нужно начинать сначала! Сначала!» – твердил Василий, приехав в чужую страну в конце XIX века.

Именно в это время он выбрал карьеру художника. Он твердо решил начать учиться живописи. Для тридцати лет, возможно, и поздновато. Но Кандинский доказал, что талант пробьется. Вначале он стал обыкновенным студентом в частной школе Антона Ашбэ. После обязательного двухгодичного курса год учится, экспериментирует сам. Время летит на одном дыхании. Пришли незамысловатые сюжеты: городской пейзаж, деревенский, горы, соборы, русская Сивка-Бурка…

Затем, сам Бог велел, Василий поступает в академию изобразительных искусств в Мюнхене, в класс Франца фон Штука. Все начинается сначала: реализм, постановочные работы, классика. Он тогда уже отдает предпочтение импрессионизму и пуантилизму. Отдельные движения красочных мазков, космичность, ритмичность, неровность застывших масляных краев… Отход от привычных канонов, так претящих подвижной душе свободолюбивого живописца. Не забылись им еще и богатейшие московские иконы, золотые оклады, «рубашки» в каменьях, охранителях от нечисти. И вологодский, нижегородский фольклор, и тунгусские заклинания, и шаманство, и ритуальные танцы, и цветастая роспись соборов, и восторженное очарование приморского города юмористов-оптимистов…

В 1900 году он получает диплом академии изобразительных искусств – его второй диплом о высшем образовании.

* * *

Первые выставки картин Великого Странника проходили как академические показы по всей Европе. Европа того времени чутко реагировала на проявления нового в искусстве. Дягилевские салоны, московские выставки, петербургские, одесские салоны…

Из самых ранних работ есть картины Кандинского, датированные между 1900 и 1908 годами. В первых опытах он находит мотивы под влиянием русского фольклора. Накладывает люминесцентные краски на темный фон. Создает эффект стилизованного цветного витража. Такова «Волжская песня» – в этой картине все движется, звучит, течет во времени, передает настроение, понятно – это тоска по Родине. Представьте себе спектр живописных красок, радугу на небе – воздушный, подвижный ореол. Как заставить краски говорить своим языком?! Не отдельные фигуры, тщательно выписанные живописцем. Зализанно-лессированные, представляющие канонический, нехудожественный образ. А вот чтобы сами краски звучали, играли, заигрывали с нами. Возбуждали фантазию. Побуждали следовать за ними. Сочинять. Воспламенять и самовоспламеняться…

«Сколь нереалистично народное творчество вологодских народных мастеров! Какие дивные узоры и орнаменты! А вологодские кружева – будто сплетенные летописные знаки умельцев!» – обрушивается и на меня восторг Кандинского. «Летописные знаки!» – так обозначает вязанные завитки –– плетеные нити времени Мастер! Ленты Мёбеуса?! Ленты бесконечности.... Тогда он начинает слышать всевозможные аккорды, видеть их, ощущать в разнообразных, будто связанных вместе уникальных сплетениях музыки.

В дальних деревнях видит воочию сохраненное мастерство, переданное из предыдущих поколений.

В том же году молодой художник впервые побывал в Париже. Этот импрессионистический взлет, салоны Независимых, выставки-эксперименты не могли не задеть за живое. В молодом ученом и художнике – одновременно в исследовательской и художественной душе – зреют тенденции и мечты.

Продолжаются постоянные исследования связи цвета и музыки. В Европе вспоминается живописность московской архитектуры, разноликокрасочный Храм Василия Блаженного не покидает восприятие. А еще четкий свод юридических законов. Они ведут свою партию. Столько внутренних связей, цвет, музыка, колокольный звон и четкость построения, законность красочного языка! Таинственной жизнью живут звуки, облеченные в живописные наряды. Сгустки энергии цвета по законам движения играют на космических векторах, а нанизанные на ритмические сюжетные линии остроконфликтные ситуации бытия, устоев, создают канву композиций, импровизаций, настроений. Настолько сюжет оказывался насыщен, что промежуточный слой-ход создания определенной фигуры-героя можно было опустить. Заставить сами красочные формы, линии, конструкции жить, влиять на воображение. Все просто: нам следует признавать их в таком виде, в каком они есть! Нужно только настроиться на лад художника, композитора в данном случае, и уже его авторская импровизация в различных живых красочных вибрациях зазвучит. Заставит двигаться в такт, в лад создателю.

1930 г., «Причудливое»

* * *

Мурнау, ноябрь 2007 год

...А будто все видела вчера! Побывала проездом в музее Василия Кандинского и Габриэлы Мюнтер в Мурнау. Этот город называют реальным городом абстрактного искусства. Небольшой, но уже столь знаменитый городок вблизи Мюнхена, в преддверии Альп, куда ведут многие туристические маршруты. Куда собираемся с одесско-германским проектом «Содружества соотечественников Глория».

Сейчас «Русская вилла» художников стала музейным мемориалом. Не столь давно отреставрирована. Голубая крыша на фоне синего предгорного неба. На первых абстрактных, беспредметных картинах изображенный городок выделяется цветными мозаичными пятнами, соперничающими по чистоте с бесконечной синевой неба. Создается нестандартный, далекий от фотографического образ… Но и экспонирующаяся в музее выставка личных фотографий, около 900, сделанных Габриэлой Мюнтер, произвела огромное впечатление на тысячи посетителей. Ее память, ее восторг и обожание Мастера, любовь, запечатленная на пленке, жизнь в поиске и неустанном эксперименте двух выдающихся личностей, двух поистине влюбленных тогда друг в друга, в творчество передается нам, их почитателям. Запоминается.

В доме все как раньше. Расписанная под шаблон, изготовленный Кандинским, где мчатся синие всадники выше и выше, деревянная лестница держит расписную кавалькаду. Придает особое, символистское значение. Свежий ветер Альп и редкие в это время года солнечные блики на озере. Портреты молодых еще художников и их друзей – немецких постимпрессионистов, команда художников «Немецких Афин» Алексея Явленского – Марианны Веревкиной. Встреча с любимой женщиной. Развитие творческих и любовных отношений с Габриэлой Мюнтер...

Активный сезон с мая по октябрь. Пройдемся следами синих Всадников!

* * *

Одесса, 1901 год

И сейчас он почти такой же, дом с балконами-галереями, опоясывающими вокруг типичный одесский дворик-колодец, где жил тогда Василий Кандинский. Долгожданная и с огромным трудом «пробитая» сквозь советские препоны мемориальная доска на доме, наконец, напоминает об этом. В центре Одессы на знаменитой Дерибасовской улице (где был известный кондитерский магазин «Лакомка» угол Екатерининской), появилась мемориальная доска и барельеф великого Абстракциониста. Одесские традиции, музыкальность и певучесть приморского юга, вольные мотивы и настроения показали юному Василию его первую стезю: музыка! Легко представить, как из музыкальных потоков мелодий и страстей вырисовываются красочные пейзажи в воображении. Казалось, Василий просто не мог не начать рисовать. В его первых произведениях появляются такие сочетания красок и форм, звучит такая пронзительная нота! Художник потом объяснял свои юношеские наблюдения тем, что «цвет живет своей нетрадиционной, таинственной, свободной жизнью». «Научить живописи безнадежно. Можно только то делать, что прорастает в тебе. У тебя все есть от Природы!» – побуждал потом Мастер своих учеников наблюдать окружающий мир. Отсюда, из одесских бульваров, благоухающих акациями, морскими водорослями, портом, приправленная символикой, взятой в окружающем, пришла таинственная концепция обособленности цвета. Его всепроникающее значение в другие органы восприятия. Будто все Музы собрались вместе и правят бал! Каждый цвет занимает особое место, а затем они вместе кружатся парами, вальсируя, создавая безусловный рисунок танца.

Отсюда пришел его космизм, движение, странствие по жизни. Обусловленное исторически и внутренней потребностью к перемене мест в поисках себя.

Цитата

Вспоминая о переломных 1890-х годах Кандинский писал: «Все эти науки я любил и теперь думаю с благодарностью о тех часах внутреннего подъема, а, может быть, и вдохновения, которое я тогда пережил. Но часы эти бледнели при первом соприкосновении с искусством, которое только одно выводило меня за пределы времени и пространства. Никогда не дарили меня научные занятия такими переживаниями, внутренними подъемами, творческими мгновениями».

1920 г., «Белая линия»

Название для этой композиции мне подсказала короткая заметка из российского еженедельника «Weekend». О переписке художника Василия Кандинского и композитора Арнольда Шёнберга. «Гении музыки и живописи познакомились в Мюнхене в 1911 году. Побывав на концерте тогда еще не признанного Шёнберга, Кандинский был настолько потрясен услышанным, что написал ему восторженное письмо. Арнольд Шёнберг ответил. С этого началась дружба гениев. Обнаружилось, что у них много общего, как много схожего между живописью и музыкой… Несколько позже, правда, деятели искусства рассорились..., но сейчас весьма гармонично сочетаются в стенах одного музея».

«В живописи сейчас сильная тенденция к открытию «новой» гармонии конструктивистскими средствами, когда ритмичное построено в почти геометрической форме. Мой собственный инстинкт и усилия могут поддержать эти тенденции только наполовину…»

Из письма Василия Кандинского Арнольду Шёнбергу.

В письмах мастеров столько драматизма и белых еще пятен. Но это тема другого исследования.

Цитата

Достаточно сослаться на одно из мест в его «Воспоминаниях». В тот момент, когда он на ощупь шел к творческим открытиям огромной важности, и в научном мире происходили события, получившие условное наименование «исчезновение материи». Василий Кандинский писал: «Одна из самых важных преград на моем пути сама рушилась благодаря чисто научному событию. Это было разложение атома. Оно отозвалось во мне, подобно внезапному разрушению всего мира. Внезапно рухнули толстые своды. Все стало неверным, шатким и мягким. Я бы не удивился, если бы камень поднялся в воздух и растворился в нем».

** Кандинский В.В. «Ступени», 1918, М.*

«Русский Stil» собирает друзей!

С 11 по 16 октября в Германии состоится 6-й Фестиваль литературы и искусства «Русский Stil-2012». Как и в прежние годы, Фестиваль соберет старых и новых друзей, чтобы вместе отметить очередную годовщину, поздравить победителей, обменяться идеями и проектами на год грядущий, да и просто пообщаться в приятной обстановке. Для гостей Фестиваля готовится интересная программа с посещением самой крупной книжной ярмарки во Франкфурте на Майне, а мы предлагаем читателям репортаж о том, как все было в прошлом году, от участника Фестиваля-2011 Михаила Полищука.

Закончился Фестиваль «Русский Stil-2011». Он проходил на юге Германии в небольшом, расположенном на реке Дунай, городке Ульм.

Сам город находится в земле Баден-Вюртемберг, а на другой стороне реки Новый Ульм – уже Бавария, так что участники фестиваля завтракали в Баварии, а обедали в Баден-Вюртемберге или наоборот. Перемещались сразу в двух немецких землях по прекрасно ухоженному городу в основном пешком, переходы составляли по 10-15 минут.

С первого дня (23 сентября) участники Фестиваля были окружены доброжелательной, дружеской атмосферой в прямом и переносном смысле. До нашего отъезда (28 сентября) стояло настоящее «бабье лето» – было маловетренно, тепло, но совсем не жарко. Организаторы – Лада и Штеффен Баумгартены создали праздник, настоящий праздник для людей пишущих, поющих и просто любящих искусство во всех его ипостасях. Поскольку на Фестивале собрались люди, ныне живущие в России и люди, которые раньше жили в Советском Союзе, объединенные общей любовью к литературе, то и общение происходило исключительно на великом и могучем русском языке.

Россию представляли: столичные Москва и Питер; центровые Саратов, Воронеж и Рязань; восточные (сибирские) Новосибирск, Челябинск и Кемерово; наш западный гарнизон посчастливилось представлять мне. Присутствовали и жители бывших советских республик: Украины, Белоруссии и Киргизстана. А из дальнего зарубежья – США и Израиля.

И, наконец, хозяева фестиваля, жители Германии составляли до половины. О них хочется сказать несколько слов отдельно. В основном это были люди старшего поколения, наверня-

ка имеющие разные политические взгляды и разное экономическое положение, но объединенные общей любовью к литературе, обостренной в атмосфере отсутствия бытового общения на русском языке, истосковавшиеся по звучанию родной речи. На встречах были представлены несколько литературных объединений из Штутгарта и Мюнхена, а также «одиночки» – литераторы, художники и музыканты из нескольких южных городов Германии.

Наиболее известной фигурой на Фестивале была Мария Арбатова – драматург, публицист, член Союза писателей Москвы и Союза театральных деятелей России – она также являлась членом жюри, предшествующего Фестивалю конкурса «Русский Stil-2011». Арбатова провела все время с 23 по 28 сентября с нами в постоянном общении, легко, весело и непринужденно, только в последний вечер была устроена официальная встреча с участниками и гостями Фестиваля. Мария Ивановна рассказала о себе и о своем творчестве, затем был организован просмотр нового художественного фильма из серии о знаменитых разведчиках России, поставленный по ее сценарию. Фильм, между прочим, о знаменитой советской детской писательнице Зое Воскресенской. Какое она имеет отношение к разведке? Узнаете, когда фильм выйдет на экраны, и вы его посмотрите. Что касается феминизма знаменитости, слухи опровергались присутствием третьего мужа Марии Ивановны, индуса по национальности, который большую часть времени отмалчивался, но в последний день Фестиваля разговорился, продемонстрировав хороший русский язык и виртуозное владение им.

Колорит постоянного праздника внесли в Фестиваль представители средств массовой информации А. Мягченков – ведущий программы телеканала «Столица» «Разговор с Александром Мягченковым» и шеф-редактор программы М. Меркулова – оба они, лица пишущие, также являлись членами жюри. Постоянные доброжелательные улыбки этих красивых людей не могла скрыть камера, без которой их можно было увидеть разве что за обеденным столом.

Великолепными стихами радовала нас член жюри-2011 Ирина Егорова – главный режиссер московского театра «КомедиантЪ», член Союза писателей России, член Международной гильдии писателей, актриса, драматург и прелестная женщина.

Очень хорошее впечатление произвели не только на жюри, но и на всех присутствующих стихи победителя в номинации «Поэзия» Виктора Кирюшина – члена Союза писателей России, главного редактора журнала «Сельская новь».

Яркой поэтической строкой блеснул победитель в номинации «Поющие сердца», подноминация «Автор слов», Вячеслав Лопушной – член Союза писателей России, автор слов более 50-ти песен и романсов на музыку сибирских композиторов.

Ощущение легкости, непринужденности в общении внес дипломант в номинации «Поэзия» русский американец Юрий Бердан – призер и лауреат нескольких национальных и международных литературных конкурсов, он и перед микрофоном, и в застольных беседах выстреливал четкими, порой едкими четверостишьями. Но то, что поэт он серьезный, доказала его победа в очном состязании «Поэтри-слэм» (шоу для бесстрашных поэтов), когда участнику мало быть талантливым.

Следует отметить талант и многогранность победителя в номинации «Луч надежды» Евгения Мауля – недавний житель северного Казахстана, он является лауреатом литературной премии города Филлаха (Австрия) и премии «Золотое перо Руси».

Евгений – увлеченный филолог, одинаково виртуозно владеющий русским и немецким языками.

Очень понравился гостям и участникам Фестиваля, дипломант в номинации молодые дарования Даниил Лебедев – студент-филолог Новосибирского государственного университета, в поэзии, по его мнению, ключевой является звуковая составляющая.

Кроме участников конкурса «Русский Stil-2011»: судей, лауреатов и дипломантов, на Фестиваль прибыли гости – нынешние жители Германии, среди которых особенно запомнились:

– бывший актер театра Михаил Серебро, который рассказывал о своих встречах на Таганке с Ю. Любимовым и еще множество интересных подробностей из жизни советских актеров;

– член Немецкого общества русскоязычных ученых Виктор Старшенко, который является секретарем Немецко-русской литературной мастерской и еще, для души, коллекционирует картины, созданные из самоцветов (а! неплохо?);

– ребенком пережившая ужасы Ленинградской блокады, поэт Дина Левина, которая издала очень красивую детскую книжку на двух языках, предназначенную для детей младшего возраста, начинающих говорить сразу на двух языках в русскоязычных семьях Германии.

И многие другие яркие личности.

Из общей команды конкурса нельзя не упомянуть о Нелли Вист – поэт-романтик, член Международной гильдии писателей, обладатель награды «За верность и сотрудничество». Ее мягкость и доброжелательность, безусловно, внесли свой вклад в создание особой атмосферы праздника.

Особое место на Фестивале занимали детские авторы. И среди них нельзя было не заметить сказочницу Татьяну Десятниченко, ставшую победительницей в номинации «Нашим детям», ее сказки, написанные в лучших традициях старых русских сказок, пронизаны русским духом, они всегда заканчиваются победой добра над злом.

Яркое впечатление произвела еще одна сказочница Виолетта Минина – дипломант в номинации «Проза» – шеф-редактор известного гламурного журнала «Личная жизнь». Второй год подряд становится лауреатом конкурса в номинации «Луч надежды» член Международной гильдии писателей Татьяна Мартынова – преподаватель немецкого языка.

Не только стихи и сказки были в арсенале конкурса. Красивым литературным языком написано короткое исследование «Сталин» дипломанта в номинации «Публицистика» Светланы Астрецовой – выпускающий редактор телеканала «Культура, Москва.

Весельем и непосредственностью веяло от исполнения песен Валентины Крам (автор музыки) и Ирины Крам, лауреатов музыкального конкурса, подноминация «Исполнители». Хотелось бы вспомнить и упомянуть еще очень многих участников Фестиваля, но увы… «Нельзя объять необъятного».

Калининградская делегация – моя группа поддержки в составе: Татьяны Полищук, Романа Полищук и Марины Финкель, также приняли активное участие во всех мероприятиях фестиваля. Татьяна изготовила для нашей делегации нагрудные знаки, с использованием солнечного камня и подготовила другую фирменную Калининградскую сувенирную продукцию. В последний прощальный вечер у свободного микрофона Роман, недавний участник группы «Бигуди», более известной в тандеме «Бигуди и Е. Гришковец», исполнил свою песню на слова Ю. Мориц «Букет котов». Марина отвечала за контакты с гостями на немецком языке, особенно была полезна на экскурсиях и в магазинах. Учитывая, что на Фестиваль в Ульм мы приехали на машине (туда – через Берлин с ночевкой; обратно – через Вену и Краков с ночевками в обоих городах) работы у Марины было много, а еще больше у Романа, который в течение всего пути (около 3.500 км) бессменно вел автомобиль.

А еще на комфортабельном автобусе, которым управлял сам Штеффен Баумгартен – совершенно пропорционально сложенный двухметровый гигант с открытым детским выражением светлых немецких глаз, в которых уже появилось русское лукавство (с кем поведешься…), мы ездили в Баварские Альпы в замки Нойшванштайн и Хоэншвангау. Это что-то…

А еще мы на том же автобусе ездили в Мюнхен на знаменитый праздник Октоберфест. Да, тот самый из книги рекордов Гиннеса – самый большой, самый демократичный и самый народный. Много пива было выпито…

Как мы все это успели фактически за четыре Ульмовских дня? Сами удивляемся, но… были же еще и пять ночей…

Не знаю как в литературном отношении, но в целом наша делегация произвела на фестивале положительное впечатление.

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Александра Крючкова

Не отдавай меня другим

Не отдавай меня другим…
Оставь себе, как лучик света,
Любовь не требует ответа –
Пусть тот, кто любит, не любим…

Не отдавай меня другим…
Я шла к тебе почти с рожденья,
Где каждый шаг – стихотворенье,
Ведущее в искомый Рим…

Не отдавай меня другим…
Пройдя сквозь смерти и гоненье,
Я научилась жить мгновеньем,
Не пряча чувства в жалкий грим…

Не отдавай меня другим…
И в путь, начертанный судьбою,
Как оберег, возьми с собою
Мой филигранный пилигрим…

Не отдавай меня другим…

Михаил Баютин

Ода лени

Мягко укрыла в томленьи крылами,
Истомой по телу тепло разлилась,
Слегка потянусь я и, словно, устами
Тебя ощущаю – какая ты сласть!

Пушисто лаская сонные веки,
Теплой подушкой прильнула к щеке.
Тебя нет милее на всем белом свете,
Ни с чем не сравнима, мой ангел во сне!

Глаз не открыть, руками не двинуть,
Все тело, лаская, обняла постель.
Одеяло, подушки и море истомы –
Ах, как хорошо мне все это знакомо!

Тебя не отважить и прочь не прогнать,
Ты моя нега, ты моя тень.
Ласкаясь и нежась, могу лишь сказать:
Ты – моя радость, матушка-лень!

Александра Крючкова

Потанцуй со мной на площади

Потанцуй со мной на площади,
Пусть вокзалы бросит в дрожь!
Мы, нескрещенные, срощены –
Не разрубит острый нож.

Закружи в поток неистовый,
Пусть прохожие замрут!
Ими даже не пролистанный,
Нами пройден был маршрут.

Зацелуй на зависть меченным
Золотым земным кольцом!
Мы давно с тобой повенчаны
Позабытым здесь Творцом.

Для не скрещенных, но сращенных
Смерть – не горе, не беда!
Нас, распятых этой площадью,
Ждут иные города…

Надежда Вотинцева

Прошу тебя, не уходи...

Ты, разожги скорее свечи,
Чаруй улыбкой колдовской,
Под звон бокалов, в этот вечер,
Развей нечаянный покой.

Вновь увлеки в страстей пучину
Волною пламенных речей,
Под звук мелодии старинной
Романсом душу обогрей.

Пусть плачет звонкая гитара
Созвучно трепетам в груди,
И ночи, кажется, так мало,
Прошу тебя, не уходи!

Елизавета Субаши

* * *

Auf einem endlosen und weißen Strand
Ich habe meine Flügel liegen lassen
Mein Herz ist dort geblieben, bei mir mein Verstand
Was ich empfinde, ist schwer zu verfassen

Nun, liegen meine Flügel aus feinster Seide
Zwischen den Muscheln auf dem weißen Strand
Wie ein Faden, verbinden die Flügel uns beide
Doch, ich habe mich von dir abgewandt

Es tut mir leid, es war der Strand deines Lebens
Ich ließ jedoch eine Erinnerung an mich
Du hast mir die Flucht aus deinem Paradies vergeben
Ich habe mir die Flügel abgeschnitten nur für dich

Расуль Ягудин

На беду

По кургузому проходу, уводящему вовне,
к Коста Бланке, ходу, ходу! –
вот ты что сказала мне,
белолицей кобылицей в лед копытами бия.

Ту тебя,
в лужок водицей растекаясь, помню я,
разметавшуюся гривой,
с носа пышущей огнем...

Я сегодня,
говорливый,
отобедав ровно днем,
на Земле, как полустанке,
все стою на этом льду,
к этой вашей Коста Бланке
собираясь на беду.

Член союза художников России
Любовь Пономарева

Фото 1

Фото 2

Фото 3

РОССИЯ-АВСТРИЯ и МГП

Весной в Вене произошло уникальное событие, которое свело воедино издателей и писателей, творчески одаренную молодежь и книголюбов, преподавателей русского языка и их подопечных, и многих-многих, радеющих за сохранение своих корней и традиций, людей русского зарубежья.

Книжная неделя, посвященная русскому языку и книге – стала первой ласточкой в сплочении русской диаспоры на широком европейском пространстве и явилась посылом для того, чтобы подобные мероприятия проводились в Австрии как можно чаще. Об этом свидетельствует намерение в 2013 году провести вторую Венскую книжную неделю. И тут надо отметить, что Международная гильдия писателей снова выступит соорганизатором.

А вот проект «Пишем и рисуем книгу вместе», организованный с партнерами в текущем году и в котором приняли участие детские авторы – члены нашей гильдии, стал чуть ли не центральным событием мероприятия.

Отмечу, что не случайно этот проект носит название «…вместе» – он рассчитан и на взрослых, и на детей. Дети и подростки из разных уголков России, ближнего и дальнего зарубежья представили в детскую составляющую проекта – на конкурс «Страна Фантазия» – свои работы. Лучшие из них попали в итоговую книгу, которую получили в подарок с грамотами и дипломами. А первая презентация издания, еще горяченького, только из типографии, как раз и состоялась на Венской книжной неделе, где чествовали победителей конкурса, прибывших из Сибири. Сопровождала их руководитель, зам. директора школы, член союза художников России, член Международной Ассоциации АИАП ЮНЕСКО в области изобразительного искусства – Любовь Пономарева. И сейчас я предлагаю вашему вниманию интервью с этой необыкновенной женщиной.

– Любовь Иннокентьевна, расскажите о себе.

– Родилась я недалеко от Братска в небольшом сибирском поселке. Родители переехали в город на Великие Комсомольские Стройки, когда мне было несколько месяцев отроду. Отец – рабочий, мать – учительница рисования. Видимо ее гены передались мне, потому что художником стала ощущать себя с тех пор, как взяла в руки карандаш.

В 5 лет состоялась моя первая персональная выставка. Я рисовала сутками, на всем что попадалось под руку – на полу, на стене, на асфальте, на разных клочках бумаги, не говоря уже об альбомах и тетрадях. Особенно любила придумывать «волшебные картинки» – этакое подобие сегодняшних книжек-раскладушек смешанных с комиксами. Сказочные истории приходили в движение с помощью простейших приспособлений – тайные окошечки и дверцы, рычаги, ниточки и прочие мудреные штуки.

Вообще в детстве я много чем занималась, кукольным театром, например. Мы с двоюродным братом соорудили настоящую кукольную сцену с двигающимся занавесом и многоплановыми декорациями. По специальным прорезям в полу сцены дви-

гались бумажные плоские куклы, шевелящие ногами и руками с помощью шарнир и ниточек. Был опыт изготовления масок и кукол из папье-маше. Увлекалась сочинительством, писала сказки и рассказы, причем, это увлечение затянулось до студенческих лет. У меня на счету около 10 книг – повести, детективы и три «исторических романа». Причем меня кидало в разные эпохи – то времена Людовика XV, то Речи Посполитой, то Америки 50-х годов, видимо, в зависимости от того, что накануне было прочитано. Читала запоем и всегда хотелось добавить каких-нибудь историй или событий, но уже со своими героями и сюжетом. Это было во времена книжного дефицита в стране. Интересные книги «ходили по рукам» и «зачитывались до дыр». Их давали только на ночь, в то время как в магазинах стройными рядами стояли сочинения Ленина и Маркса. Видимо, таким образом восполнялась потребность в юношеских мечтах, потребностях, желаниях.

Еще учась в школе, в старших классах, я с большой гордостью поступила на заочное отделение факультета станковой живописи Московского Института имени Крупской к профессору Н. Касаткину. Конечно очень многое мне дали, как живописцу, занятия в Иркутском художественном училище, которое я закончила с отличием в 1978 году.

Но, по-настоящему, увлеклась живописью много позже, когда уже после замужества подросли дети (их у меня трое) и появилась мастерская, где можно было работать, не отвлекаясь на хозяйство и быт. Очень мне в этом помогали муж и мама, беря большую часть забот о детях и доме на себя.

– Какая тематика в рисовании у вас самая любимая?

– Мои близкие, человек в своем пространстве самодостаточности и гармонии, портреты сибирских цветов и таёжные натюрморты, мистическая таинственность вещей, персонажи народного фольклора – как связующая нить легенды и реальности, прошлого и настоящего – вот основная тематика моих работ.

«Романтический символизм» – назвал кто-то из критиков это направление в моем творчестве, не знаю, ему виднее. Я, вообще-то, сильно не задумываюсь об этом, просто пишу то, что мне близко, дорого, то, что чем-то меня тронуло, взволновало и захотелось выговориться на холсте. И если кого-то это «зацепит», найдет отклик в душе, откроет сопереживателей – это самое ценное, и что может быть лучше.

Фото 4

Я глубоко убеждена – художник не имеет права выплескивать свой негатив на зрителей, это опасно, это преступно. Картины должны нести светлое начало, поэтому я никогда не сажусь за мольберт с плохим настроением. В нашем человеческом обществе и так витает столько черной энергетики, что не стоит стремиться ее приумножить. А люди искусства – это энергетические доноры, и их предназначение дарить Добро, Любовь, Тепло и Свет.

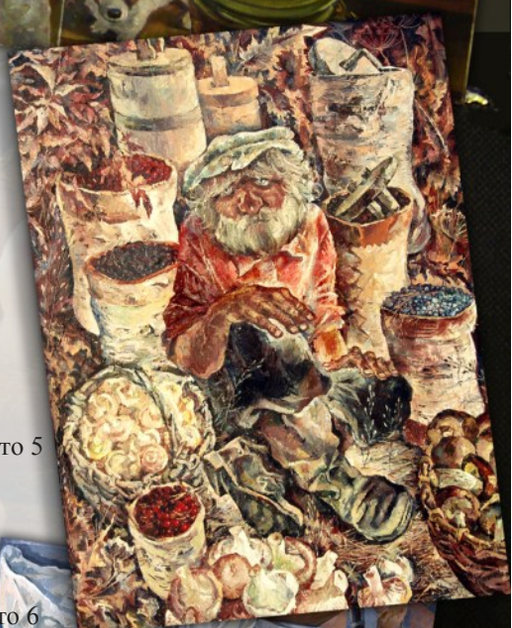


Фото 5

– Кого из художников Вы можете назвать своими учителями?

– Конечно же, я приверженец русской реалистической школы живописи, но как говорится, «без фанатизма». Моя реальность более зыбкая. Я люблю живопись И. Левитана, В. Серова, М. Врубеля, из более позднего поколения – Е. Моисеенко, Попкова, Стожарова. Они очень разные, но все великие мастера и можно бесконечно учиться и изучать их творчество. Но самые главные мои учителя, являющиеся примером преданности искусству, талантливыми художниками и просто светлыми и добрыми людьми, это – иркутские художники Владимир Кузьмин и Анатолий Костовский. Хоть наше творчество очень разное, но я ценю их позицию художника «Искусство – это Любовь!».

Фото 6

Два года назад я неожиданно для себя вдруг увлеклась авторской куклой. Возможно, это был внутренний всплеск – как охранный стеклянный купол, который сберег меня от последствий страшного горя – смерти близких людей, мужа и

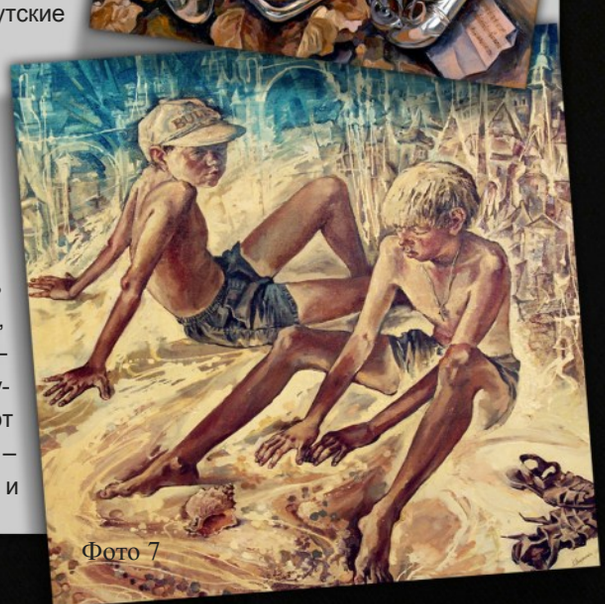


Фото 7

мамы. Словно какие-то скрытые резервы вырвались на свободу, чтобы спасти сознание от ужаса случившегося. Это было какое-то наваждение. Я просто не могла остановиться. Куклы, как маленькие человечки рождались, чтобы утешить меня, отвлечь от мрачных мыслей и радовали меня и окружающих своим появлением.

Иногда возникало ощущение, что они самостоятельно являются откуда-то, обживаются в нашей квартире, заполняя все свободные полки в шкафах и требуя к себе все большего и большего внимания.

Потом была первая персональная выставка (36 кукол). Окрыленная успехом, я сотворила еще 42 куклы, еще одна выставка и еще больший успех – и все за два года.

Очень радует, что мои куклы спасают и других от грусти, хандры и скуки. Сколько я выслушала и прочитала приятных отзывов от детей и взрослых, что теперь уже не брошу это увлечение.

– А как вы придумываете внешность и одежду для кукольных персонажей?

– Как я их придумываю? Я их не придумываю. Они сами теснятся в моей голове, я только успеваю составлять списки – кто на очереди и подкупать необходимые ткани и аксессуары.

Это серия венецианских карнавальных кукол, шуты, литературные и исторические персонажи, а также просто фантазийные образы. Мне интересно все: лепить голову, передавать мимику лица, характер, придумывать позу, жесты. Ну и, конечно, самое интересное – это костюм. Продумывается все, от мельчайших деталей до общего силуэта. В ход идет фурнитура, тесьма, стразы, бижутерия, перья, всевозможная ткань и прочие невообразимые предметы, которые после обработки превращаются в клетки, шляпы, шпаги, доспехи, шлемы (особенно сложно с воинским обмундированием, но в коллекции есть самурай, викинг, пират, мушкетер, черный воин и т.д.) К счастью, сейчас можно приобрести готовое оружие и музыкальные инструменты для моих кукол, но изобретать и создавать самой из «ничего что-то» гораздо веселее.

Один умный человек когда-то написал: «Если тебе нечего сказать людям – лучше не пиши». Он сказал это писателям, но я думаю, что художников это тоже касается. Не пиши, если тебе нечем поделиться со зрителем, если холодно твое сердце и ты равнодушен к окружающей действительности.

Вы обратили внимание, что бывая на выставках и вернисажах, вы проходите мимо одних картин и останавливаетесь перед другими. Равнодушие порождает равнодушие. И это, наверное, самый страшный бич нашего времени. Но вот вы остановились и замерли перед картиной. Возник диалог с автором через его работу. Другой вопрос – чем был вызван ваш интерес к ней? Эпатажем художника, недоумением, отвращением или созвучием к светлым струнам вашей души? Насколько искренен автор, насколько он открывается зрителю, настолько зритель способен это почувствовать в его работах. И только такое искусство, которое проходит через сердце автора и зрителя, способно менять этот мир к лучшему.

Беседовала Л. Баумгартен

В качестве иллюстраций к интервью использованы работы художницы:

Фото 1 – Рыбак;
Фото 2 – Последние плоды;
Фото 3 – Монетки на дне;
Фото 4 – Игра в прятки;
Фото 5 – Пора грибная;
Фото 6 – Звуки осени;
Фото 7 – Мальчики, замки на песке;
Фото 8 – Бабушка-сова;
Фото 9 – Байкальская весна;
Фото 10 – Казанова.

Фото 8

Фото 9

Фото 10

«Мне так трудно писать
эти грустные строчки,
Многоточия нет, лишь отдельно
стоящие точки...
Птицей раненой плачет душа
и не спится –
Я зову тебя в небо, эхом имя твое мне
на плечи ложится...»

Каждый из нас приходит в этот мир, чтобы когда-то из него уйти... Увы, и, к сожалению, ничто не вечно под луною... Однако, зная об этом, никто из нас до последнего не принимает этот факт. Трудно поверить, когда уходят наши близкие... Уходят в какую-то неизвестность... Неведомую нам даль, известную только одному Всевышнему. И нам остается только молиться за них...

СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ...

ОЛЕСЯ БАЛАКИРЕВА, ЧЛЕН МГП

Сергей Олегович Марков – учитель музыки в одной русской гимназии города Таллинна (Эстония), который 25 лет отработал в школе; служил музыке сердцем и профессионализмом, присущим людям избранным. Чтобы стать учителем – нужно призвание, а чтобы стать хорошим учителем – нужен талант. У него было и то, и другое... и даже больше – дар от Бога.

Наш музыкальный класс после окончания школы разлетелся кто куда, а меня все тянуло в школу к учителям... Очень хорошо помню один мой визит в школу к классному руководителю и встречу в актовом зале с Сергеем Олеговичем... Его отличительной чертой всегда была доброжелательная улыбка и добрые глаза! В них столько было тепла, участия и жизни!!! Именно с этого момента началось наше дружеское общение, переход обращения к нему на «ты».

В 1998 году Сергей Олегович пригласил меня в таллиннскую команду Друкшая. Это такой международный негласный слет команд (из бывших советских республик) на территории Белоруссии, граничащей с Литвой, проводимый ежегодно в начале августа на протяжении свыше 30-ти лет. Восхитительное место на берегу озера – большая поляна, палаточный лагерь, сцена и костер задают колорит и зарождают дружбу, казалось бы, таких разных и одновременно таких одинаковых людей разных возрастов и профессий, где все друг к другу обращаются на «ты» и просто по имени. Хотя, Сергей Олегович стал исключением. Я продолжила обращение к нему по имени-отчеству, как когда-то во время школьных лет.

Теперь я с особенной теплотой вспоминаю все это былое время: наши выступления с ним, смешные моменты в общении, его профессиональные советы. А также мой самый первый маленький творческий вечер в 2004 году, где Сергей Олегович так здорово исполнил под гитару две мои любимые друкшайские песни.

Вспоминаю первую официальную презентацию сборника стихов и песен «Покровитель» в 2007 году в одном культурном центре нашего города, когда учитель музыки со своей семьей пришел меня поддержать и оценить мудрым взором то, что я организовала на сцене.

7 июня 2011 года Сергея Олеговича не стало... Глупая трагическая смерть на экскурсии в Словакии унесла жизнь этого настоящего человека и у всех нас – его друзей, коллег, близких и родных – осталась глубокая рана... Вопросы: почему? зачем? – виснут в воздухе комом горечи и печали. А время идет вперед, сменяя грустное на радостное и наоборот. Все проходит, но память остается... Память наших сердец....

Не придешь...

Тишина опустилась на плечи,
Грустно плачет за окнами дождь...
На столе моем плавятся свечи,
А в висках одна мысль: «Не придешь...»

Не придешь ты домой и не в школу,
Опустел без тебя кабинет.
Синтезатор расплакался стоя,
И рояль твой вздыхает во след...

Всем нам стало теперь одиноко,
В школу дети идут не спеша...
Их встречает теперь на пороге,
Твоя вечная ныне душа...

Я всегда буду тебя помнить и молиться за тебя, Сергей Олегович... И продолжать развивать мое творчество – писать новые стихи и песни. И искать возможность выпустить второй сборник, который посвящу тебе... Ты верил в меня, я знаю...

Скоро первая годовщина твоей памяти и вновь те, кто тебя любит, соберутся вместе, чтобы почтить память и поклониться тебе. Такие люди как ты, Сергей Олегович, остаются вечной теплой песней жить в сердце. Ты в каждом из нас оставил свой след. И сколько бы ни прошло лет, этот след во времени будет звучать той музыкой, которой ты посвятил всю свою жизнь на земле...

«Сергей Олегович... Сергей Олегович...
Сергей Олегович – душа
Твоя кристальна и нежна!
Теперь с небесной высоты
Мой путь поддерживаешь ты...»

Учредитель:
Международная Гильдия Писателей
http://schriftstellergilde.org

Издатель:
© Издательство «stella.ru»
http://stella.ucoz.de

Редактор-корректор:
Е. Яхненко
Дизайн:
© В. Цветков
Ответственный секретарь:
Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

ISBN 978-3-941953-66-6

Премия им. О. Бешенковской
Лауреаты и дипломаты

С. Белянина

А. Бикетов

Е. Ширимова

Д. Галкина

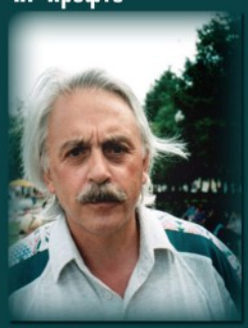
Е. Гусев

Ю. Болтаевская

Р. Рубанов

Н. Крофтс

Н. Вишнякова


М. Сидоров

О. Шушкова

2012
Verlag «stella.ru»
Deutschland